

Марина
Ефиминюк
**ПЕРВАЯ
НЕВЕСТА
ЧЕРНОКНИЖНИКА**

Марина Владимировна Ефиминюк
Первая невеста чернокнижника
Серия «Девушка без права на ошибку.
Звезды юмористического фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43115655

Первая невеста чернокнижника:

ISBN 978-5-17-117076-9

Аннотация

Знаете, как это бывает? Живешь себе, радуешься, никого не трогаешь... а потом попадаешь. В прямом смысле этого слова. Попадаешь в темный замок, стоящий на границе миров. Хозяин славного места привлекательный и обходительный, мало что чернокнижник. Да и все жители подозрительно приветливые... как будто что-то скрывают. В общем, в гостях хорошо, но дома лучше! Никаких воскресших умертвий, черных гримуаров и тайных проклятий. Вернуться бы в родной мир, но только кто меня отпустит?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	42
Глава 3	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Марина Ефиминюк

Первая невеста

чернокнижника

© М. Ефиминюк, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Никогда не верь чернокнижникам

Никогда Эверт Ройбаш, ученик чернокнижника, не закапывал могилы быстрее, чем этой ночью! По грязному лицу тек пот, натруженные мышцы горели, рубашка прилипла к взмокшей спине. Силы были на исходе, а покойная ведьма Ирис Керн была зарыта только наполовину. Эверту хотелось во весь голос проклясть тот день, когда в буйном помешательстве (иначе не скажешь) он постучался в двери замка Мельхом и пошел в ученье к чернокнижнику Макстену Керну.

Эверт на секунду остановился и покрепче перехватил лопату. Что ж он послушался маменьку и не выбрал белую магию? Лет через десять открыл бы собственную практику, сеял бы на земле добро. Люди бы его страшно любили, каждый день из благодарности приносили бы свежий хлеб, а по осени – большие пузатые тыквы. Эверт обожал кашу с тыквой, но черный прислужник Хинч отвратительно готовил, а кухарки в замке не задерживались.

Хотя было странно думать о еде, закапывая труп двоюродной прабабки Керн. Не после того, как старая перечница восстала из могилы во время призыва энергии Вселенной.

Ведь ничто не предвещало беды!

Учитель не возвращался в замок второй месяц, черный гримуар неожиданно расщедрился на заклинание и не куснул пальцы магическим разрядом. Ночь выдалась тихая, безветренная и ясная. Комета в черном небе горела так ярко, что была видна невооруженным глазом. Как не воспользоваться случаем и не собрать космической силы?

Эверт ни разу не отошел от инструкции, выданной гримуаром. Вырезал на пяточке между могилами красивую пентаграмму, четко и громко произнес заклинание. Мощный луч вырвался из земли и ударил в ночное небо. Маг прикрыл глаза, расставил руки, готовый принимать щедрый поток энергии. Он ждал и злорадно ухмылялся от мысли, что теперь станет сильнее Макстена Керна, чернокнижника в демон знает каком поколении, но тут почувствовал, как что-то, вернее, кто-то схватил его за штанину. Приоткрыв один глаз, Эверт покосился вниз. Из могилы высовывалась синюшная женская рука с черными когтями.

Керны разной степени свежести и сохранности полезли из земли, как весенние ландыши в оранжерее замка Мельхом. Сложнее всего пришлось с дядькой Идрисом. Он был разобран по частям. Череп служил для проведения обрядов, а иногда в качестве пресса для писчей бумаги. Едва почерневший скелет вылез, как рванул в сторону замка, видимо, желая вернуть голову на место. Эверт насилу поймал беглеца. Пока тащил обратно, сломал ожившему покойнику ногу, выдернул из плеча руку, отодрал пару ребер.

Если учитель узнает, точно погонит из Мельхома ведьмовской метлой (одна как раз хранилась в чулане). О наказании ученику чернокнижника думать не хотелось. Оставалось вернуть полуистлевшие тела в вечный сон, закопать и забыть о позоре.

Когда дело было кончено, Эверт растянулся между свежими могильными холмиками и уставился в ночное небо. На душе скребли кошки. Разве он виноват в случившемся беспорядке? Наверняка в этом столетии над замком Мельхом пролетала неправильная комета и колдовство она создавала неправильное! Поверит ли Макстен, если соврать, будто он решил на кладбище огородик перекопать? Травки всякие выращивать: укроп, белладонну, мандрагору... Может, сказать, что хотел могилки обновить? Необъяснимая тяга ученика к физическому труду по-любому выглядела крайне подозрительно.

Неожиданно в ночной тишине прокатился басовитый раскат грома. На линии горизонта вспыхнул золотистый сполох. Эверт сел. Внутри родилось подленькое предчувствие надвигающейся беды. Будущий чернокнижник отчаянно надеялся, что кроме энергии Вселенной, оживляющей мертвецов, больше ничего не призвал в магический мир.

– Помоги мне, Боженька, – осенил он грудь святым знаменiem. Хотя, конечно, вряд ли светлые божества решились бы помочь адепту черной магии. Похихикать в сторонке – запросто, а спасти шкуру неумелого школяра от гнева ско-

рого на расправу учителя – ни за какие молитвы.

* * *

Умные люди утверждают, что начинать историю с пробуждения – это страшный моветон, дурной вкус и отсутствие авторской фантазии. С фантазией у меня все в порядке, поэтому для ценителей высокого стиля: сначала я легла спать, потом умерла, а после уже проснулась.

Никаких сомнений в том, что во сне меня отбортовало в мир иной, не возникало. Ведь только неожиданной смертью можно было объяснить, почему я укладывалась спать в свою кровать, а проснулась в чужой. Да еще и в незнакомой комнате с антикварной мебелью, словно сворованной из музея.

Может, в наш дом влетела комета? Вчера в вечернем шоу говорили, что к Земле неумолимо приближалось смертоносное небесное тело. Грозили, что скоро планета накроется медным тазом, ни один супергерой не поможет. Я только издевательски хмыкнула и выключила телик, а, глядите-ка, похоже, после полуночи действительно случился звездный апокалипсис.

Кое-как я сползла с кровати, встала босыми ногами на холодный пол. Тело ломило от пересыпа, и особенно болела шея – голову не повернешь. Вообще, понимаю, что вопрос риторический, но как после смерти может что-нибудь болеть? Неторопливо (куда торопиться, если уже все конче-

но) я доковыляла до окна и обнаружила, что мое посмертное пристанище смотрело ровнехонько на каменную башню... То есть меня отправили в рай эконом-класса с видом на чужие апартаменты.

И в раскрытом окне этих самых апартаментов счастливо потягивался голый взлохмаченный мужик.

Заметив в нескольких метрах заспанную девицу, он резко сгруппировался, прикрыл непотребство и отшатнулся в сумрачную глубину. Сказать откровенно, наличие ангельского соседа в чем матушка родила и без крыльев немало удивляло. Тогда-то в туманной спросонья голове родилась трезвая и исключительно тревожная мыслишка...

Если я жива, а это не райские кущи, то... Черт подери, куда я попала? Замок, антикварная обстановка, ткань на стенах вместо обоев. Меня забросило в прошлое?!

Я завернулась в одеяло, прикрыв легкомысленную пижаму, и направилась к дверям. Телу стало тепло, даже жарковато, зато босым ногам было холодно. Жаль, что следом за мной в прошлое не провалились домашние тапочки. Высокие створки торжественно распахнулись сами собой, явив пустой светлый коридор с каменными стенами. Это было совершенно нелепо, но я задрала голову к притолоке и проверила, не висел ли датчик движения, как у раздвижных дверей супермаркета. Было бы странно, если бы он обнаружился. Людей, открывших передо мной проход, как перед королевой, тоже не наблюдалось. Стало жутковато.

Осторожно выглянув, я проверила коридор и крикнула:
– Эй! Кто-нибудь есть?

В фильмах ужасов зов разнесся бы на половину замка, но в реальности потолки высотой не отличались и были не способны рождать эхо. Тишина казалась глухой и неприятной. Я решилась высунуться из комнаты и осмотреться. Пространство затапливал естественный свет. Быстрым взглядом я мазнула по окну... и шокированно повернулась всем корпусом, ведь пейзаж выглядел поистине фантастическим.

Замок накрывал прозрачный купол. Внутри светило яркое утреннее солнце, поле за замковой стеной цвело и зеленело, но дальше словно прочерчивалась невидимая линия, за которой царила зима. Низкое небо давило на землю, воздух казался серым, коченели от мороза утопленные в высоких сугробах голые деревья. Может, меня утатило ночью вовсе не в прошлое, а в сказку? Очень мутную сказку.

– Обалдеть!

За спиной прозвучали чужие шаги. Я оглянулась. Невысокий коренастый мужчина в черном костюме замер посреди коридора. Лицо пришельца выглядело молодым, но волосы, забранные в аккуратный хвостик, были седы до желтизны.

– Где мы? – резко вымолвила я.

Он закатил угольно-черные глаза и ни с того ни с сего свалился как подкошенный, словно его убило силой звука.

– Что с вами? – выпалила я и, не раздумывая, бросилась на помощь к раскинувшему руки мужику. Бухнулась на ко-

лени и заглянула в побелевшее лицо с синими губами. Похоже, от изумления у бедняги случился сердечный приступ! Трясущейся рукой я попыталась нащупать на шее пульс. Кожа оказалась ледяной, как у мертвеца.

Когда от ужаса я почти пустила жалобную слезу, зазвучали новые шаги. Человек явно бежал. В коридор, придерживая за пояс штаны, ворвался сосед из окна. Слава богу, он успел одеться. Рубашка была вывернута наизнанку, шнуровка на гульфике развязана. Светлые волосы торчали в разные стороны, а в глазах застыла паника. Он был младше, чем мне показалось издавека, примерно лет двадцати.

Обнаружив, что незнакомка из соседних апартаментов смыкает пальцы на горле бездыханного друга, он тоже остолбенел. Я почти решила, что сейчас блондин закатит глаза и рухнет с приступом, но он замахал руками и что-то заговорил на непонятном языке, словно умолял оставить жертву в покое.

– Я не виновата, что он умер! – переходя на английский, выпалила я.

– А? – Парень для чего-то поспешно начал затягивать распущенную шнуровку на штанах.

– *Ду ю спик англиш?*

Умом-то я осознавала, что если человек говорил на тарбарском, то на каком языке ни ответь, все равно не поймет. Однако сработал рефлекс, записанный на подкорку, как у собаки Павлова. Со школьной скамьи вместе с неправильными

глаголами мне вдалбливали, что если заговорить с иностранцем по-английски, он тебя всенепременно поймет.

Однажды я заблудилась в китайском городе Гуанчжоу, стояла на переходе над широченным проспектом и по-английски пыталась выяснить у прохожих, где находилась автобусная остановка. С таким же успехом я могла спрашивать на французском, румынском, корейском или на диалекте вымирающего племени папуасов Новой Гвинеи. Официально заявляю, если вы попали в Китай или в странный замок на краю света и не знаете местного языка, то смело говорите по-русски. Где находится остановка до дома, все равно не выясните, но, по крайней мере, не почувствуете себя кретином.

В этот драматичный момент, когда стало ясно, что у нас с блондином общий – только язык жестов, покойник резко открыл черные глаза и, с сипом втягивая воздух, сел. Взвизгнув, я отпрянула от ожившего трупа и выдала емкое нелитературное ругательство, точно отражавшее мое отношение к происходящему.

Через пятнадцать минут с отшибленным задом и замерзшими ногами я сидела в столовой и, чувствуя себя пойманным врагами лазутчиком, осторожно осматривалась. В просторном помещении скалил черную пасть огромный камин с кованой решеткой. Солнце проникало сквозь высокие окна и рисовало на начищенном паркете вытянутые клетки. Снаружи зеленела лужайка, а вокруг царила пугающая тишина, как в склепе.

Честно говоря, блондин с зомби не отличались гостеприимством. Они хотели запереть меня в спальне, но не сумели открыть внезапно захлопнувшиеся перед их носами двери. Сколько парочка ни ломилась в комнату, ни ругалась и ни дергала за бронзовые ручки, войти не получилось. Единственное место, куда замок милостиво нас впустил, точно намекая, что гостей с дороги следовало накормить, оказалась столовая.

Несмотря на голод, я не собиралась брать в рот ни кусочка, даже если эти кусочки в меня запихивали бы насильно. Разве человек в здравом уме решится есть в безлюдном замке, открывающем двери по собственному усмотрению? Например, бутерброд с толстым ломтем копченой грудинки... Я сглотнула набежавшую слюну.

Створки распахнулись, и неожиданно даже для себя я выпалила:

– Не смейте меня кормить!

Блондин едва не выронил из рук фолиант и человеческий череп, а потом одарил меня угрюмым взглядом. Ворча на своем тарабарском, он приблизился к столу. Книга в переплете из дубленой кожи и с коваными уголками смачно шлепнулась на столешницу. Череп, правда, был пристроен аккуратно, с пиететом, как будто являлся частью давно умершего дедушки. Обнаружилось, что в нижней челюсти у бывшего родственника (или кем он там был?) не хватало двух передних зубов. Видно, роняли его неоднократно, воз-

можно, при жизни. Мысленно я окрестила щербатого страдальца Егоркой.

А что? У каждого свои тараканы. Мне нравилось давать имена предметам. Кактус Толик, компьютерная мышка Клара, любимый офисный степлер Витенька. Господи, кто послушает, точно примет за сумасшедшую. Даже с дурдомом определилась, правда, не поняла пока, где он находился, но точно не в Китае.

В гробовом молчании блондин листал фолиант, потом что-то изучал, водя пальцем по странице. Когда он поднял голову, я вжалась в спинку стула и спросила:

– Что?

Он недовольно цыкнул, мол, молчи, женщина, твой день – Восьмое марта! Я немедленно прикусила язык. С серьезным видом блондин положил одну руку на Егорку, в смысле, на череп, другую – протянул в мою сторону. Невольно я заметила, что на раскрытой ладони краснели натертые мозоли. В тишине прозвучали резкие, отрывистые слова, и мне в лицо ударил поток теплого воздуха. Волосы взлохматились, в разъяренный рот что-то попало, и я закашлялась. Не знаю, чего недоделанный колдун пытался добиться, но вид у него стал ужасно печальный. Пожалела бы, если бы не хотела пристукнуть Егоркой по макушке.

Горячий фен он изображал еще три раза. Шевелил пальцами, словно дергал за невидимые ниточки, произносил стихи без рифмы. В общем, отчаянно ворожил, а на меня от

скуки напала зевота, но приходилось держать рот закрытым, чтобы снова не проглотить какую-нибудь иномирную муху.

– Из какой дыры ты только вылезла, убогая? – растерев лицо руками, пробубнил блондин на чистейшем русском языке.

Чувствуя, что меняюсь в лице, я выпрямилась на стуле и поправила сползшее с плеч одеяло.

– Из той дыры, на языке которой ты сейчас меня обозвал, бессмертный.

От неожиданности он шарахнулся от стола. Складывалось ощущение, что из нас двоих именно я изображала колдовство, чтобы запустить гугл-переводчик.

– И давно ты меня понимаешь?! – выпалил он.

– Не знаю, ты же молчал. – Я придвинулась к столу и спросила: – Вместо приветствия ты, может, уточнишь: где мы?

– В замке Мельхом.

Можно подумать, название абсолютно все объясняло.

– Что мы в замке, я и сама заметила. Как я здесь оказалась?

Блондин замялся. Замешательство красноречивее слов говорило, что он что-то знал, но скрывал.

– Сложный вопрос...

– Ты колдун? – решила я задать простой вопрос.

– Скоро стану.

– Значит, ученик, – догадалась я. – Послушай, ученик колдуна, лучше верни меня домой, потому что от меня толку

никакого. Я давно не девственница.

На его лице вспыхнули алые пятна. Пришлось внести ясность:

– Вы ведь меня для обряда своровали?

– Никто тебя не воровал! – попытался он откреститься от участия в похищении. – Ты сама попала... Так сказать, самовыкралась!

– Сама? – возмутилась я. – То есть я заснула в своей кровати, а проснулась в этом вашем замке по собственному желанию? В окне, значит, ты голыми телесами трясешь.

– Я не тряс, а потягивался, – как будто даже обиделся блондин.

– По коридору ходит живой труп, – проигнорировала я нестройный лепет.

– Хинч – не труп, а черный прислужник. Напугала человека до обморока! Из него чуть демон не вылетел! Теперь седмицу в постели пролежит. Он, между прочим, вторую сотню лет разменял. Никакого уважения к старости!

– Другими словами, я еще и виновата? – я опешила от неожиданной выволочки. И от кого? От похитителя!

Некоторое время мы молчали и недовольно переглядывались. На курсах личностного роста тренер говорил, что к человеку нужно было обращаться по имени, чтобы создать доверительную обстановку. Значит, будем создавать.

– Тебя как зовут? – спросила я.

– А тебя? – с подозрением прищурился он, словно ино-

мирное имя являлось государственной тайной.

– Алина.

– Эверт Ройбаш.

– Так в какой стране мира мы находимся, Эверт? – мягко начала я подводить к тому, что сворованную девицу, раз от нее пользы как от козла молока, надо вернуть домой, желательно незамедлительно, пока она не заработала простуду на местных сквозняках.

– На пересечении миров. Внешнего, магического и необитаемого.

– С географией понятно, мы не в России и не в Китае, – вздохнула я.

– Где?

– В Караганде! – разозлилась я.

Эверт резко вжал голову в плечи и выставил в мою сторону скрещенные пальцы.

– Что делает твое заклятье? – осторожно уточнил он.

– Мозги всяким заклинателям прочищает, – буркнула я и без особой надежды спросила: – Слушай, ученик чернокнижника, а ты меня сможешь домой вернуть?

Хорошо, что украли в пятницу, не придется объясняться с шефом, почему ведущий специалист по продаже путевок в черноморский пансионат «Ласточка» не вышел на работу.

– Как я сам не додумался? – С чувством захлопнув книгу, он сунул ее под мышку, осторожно взял черепушку Егорку и направился к дверям.

Я следила за гордым уходом и хлопала глазами. На пороге Эверт оглянулся и кивнул:

– Ты чего сидишь? Давай открывать портал, пока Хинч после обморока отсыпается.

– Так ты не издевался?! – Я вскочила со стула и, таща по полу одеяло, ринулась к будущему чернокнижнику.

– Нам надо успеть до возвращения Макстена, – на ходу объяснил он, когда мы пересекали пустой зал, завешанный потемневшими от времени портретами.

– Кто такой Макстен? – напряглась я.

– Хозяин замка.

– И что он сделает, если застанет меня здесь? – Ответы из Эверта приходилось вытягивать, как клещами. На редкость неразговорчивый ученик чародея. В фильмах они, наоборот, всегда отличались болтливостью, жизнелюбием и легким характером.

– Выгонит, – загробным голосом объявил Эверт.

– Как выгонит?

– Взашей!

– Зачем меня выгонять взашей, когда можно просто вернуться домой? – возмутилась я.

– Да не тебя выгонит! Меня из замка выставит и ведьмовскую метлу натравит.

Метлы у них здесь были вместо цепных псов? Вдруг представилась табличка возле двери над звонком: «Осторожно! В замке злая метла, зомби пенсионного возраста и странный

ученик чернокнижника!»

– Думаешь, он поверит, что ты самовыкралась? Точно решит, что я с заклинанием напортачил.

– То есть ты признаешь, что вчера ночью что-то сотворил?

– Вчера ночью абсолютно все что-нибудь творили, – проворчал Эверт. – Комета же летела.

Похоже, чернокнижником блондин был посредственным. Разбойничали и колдовали все кому не лень, но только он умудрился выкрасть человека из другого мира. О размышлениях я мудро промолчала. Вон нервный какой! Взбесится и прикопает в палисаднике замка под каким-нибудь цветущим кустиком. Судя по мозолям на ладонях, с лопатой он управлялся умело.

– Послушай, Эверт, не подумай, будто я наглею, а в вашем уютном замке обуви не найдется? – пропыхтела я, стараясь не отставать от колдуна.

– Чего? – резко остановился он и с недоумением уставился на мои босые ноги.

– Обувь: ботинки, сапоги, тапочки. – Я пошевелила окоченелыми пальцами с ярко-красными ноготками. – Очень ноги замерзли.

Сапоги нашлись, растоптанные и пыльные. Стараясь не думать о том, кто носил их, я сунула ноги в широкие голенища. Обувь оказалась почти по размеру.

– От последней кухарки остались, – пояснил Эверт.

Мы находились в сумрачном помещении, больше всего

напоминавшем кабинет алхимика из фэнтезийного фильма. На полках теснились бутылки с подозрительными жидкостями, стол занимала установка из стеклянных колб и медных трубок, похожая на самогонный аппарат. Не исключаю, что таковой и являлась. Может, они по ночам варили какую-нибудь приворотную самогонку, разливали в банки и продавали доверчивым женщинам?

Пока я мысленно уличала жителей замка в подпольном виноделии, ученик чернокнижника выискивал нужную книгу на открытой полке шкафа.

– В спальню Мельхом уже не пустит, – объявил он, вытащив фолиант. – Придется открывать проход в холле, так что погрешности не избежать.

– То есть меня перенесет к соседям? – заволновалась я.

– Ну... – замялся он.

– Хотя бы до дома будет близко?

– Сложно судить.

Главное, не попасть в центр города, иначе в пижаме и растоптанных сапогах с чужой ноги я точно закончу веселенький день в полицейском участке. А что? Достойное продолжение безумного утра.

Однако случилась подлость. Когда мы попытались выйти из кабинета, дверь оказалась запертой, словно снаружи кто-то забаррикадировал ее шкафом.

– Что происходит? – заволновалась я.

– У Мельхома настроение плохое, – процедил Эверт. – Бу-

дем разрезать пространство здесь.

Похоже, вернуть меня домой ученик мечтал ничуть не меньше, чем я сама хотела оказаться в родных пенатах.

Он раскрыл книгу, потом взял в руки череп Егорку. Расставив ноги на ширину плеч, словно закрепляясь на месте, он открыл рот, чтобы начать читать заклинание, но тут зашатался, оглядевшись.

– Подержи, – он протянул мне череп.

– Ладно, – пробормотала я, с жалостью рассматривая пустые глазницы и дыру в желтоватых зубах. Переносицу пересекала сетка мелких трещинок. Жизнь после смерти у бедняжки Егорки явно была не сахарной, так сильно покоцала!

Эверт зажал в руке длинный кинжал с обоюдоострым лезвием и под заклинание, похожее по звучанию на японское хокку, начал острием чертить в воздухе непонятные символы. Они вспыхивали алым горящим контуром один за другим. Глаза ослепила яркая вспышка, и появился светящийся овал с человеческий рост. Внутри магического прохода закручивались спирали дыма. В кабинете поднялся страшный ветер. Он рвал на узких стрельчатых окнах портьеры, подбрасывал к потолку листы бумаги. На полках зазвенели бутылочки, а когда со звоном рухнул самогонный аппарат и трубки раскололись о каменный пол, я поняла, что пора линять.

– Прощай, Эверт Ройбаш, – отсалютовала я и сделала шаг в магическую дыру.

– Дядька Идрис! – вскрикнул ученик.

– Что? – оглянулась я в проходе и даже успела заметить, как с перекошенным от паники лицом ученик тянул ко мне длинные руки. Только тут стало ясно, что из магического замка я совершенно случайно прихватила череп. Однако меня начало утягивать немыслимой силой подальше от Эверта и замка чернокнижника.

Из пространственной дыры я выпала спиной вперед и со всего маху в кого-то врезалась. По ощущениям – в каменную стену, но стены совершенно точно не умели двигаться и сыпать ругательствами. Неожиданно я обнаружила себя прижатой лопатками к холодной брусчатке. Надо мной нависало чудовище с оскаленным человеческим лицом и с горящими демоническими глазами. Завизжав точно резаная, я шарахнулась странному зверю по морде тем, что бережно прижимала к груди, в смысле черепом. У Егорки вылетел зуб, монстр от неожиданности отпрыгнул на метр. Только я собралась вскочить на ноги и броситься наутек, как услышала резкий приказ:

– Лечь!

Машинально подчиняясь командному голосу, я вжалась в выщербленные камни под лопатками и притворилась паркетной. Надо мной промелькнул красный огненный сгусток, похожий на шаровую молнию, и монстр взорвался черным дымом. Не успела я опомниться, как перед самым носом пролетела когтистая лапа с длинными узловатыми пальцами,

до странности похожая на человеческую. Она шмякнулась на брусчатку и по-паучьи зашевелилась. Я моментально была об опасности, схватила череп и принялась колотить по монструозной пятерне.

В голове билась страшная мысль, что в нормальном мире отрубленные конечности никогда не проявляли признаков самостоятельности, а значит, недоделанный колдун Эверт Ройбаш обвел меня вокруг пальца и с голым задом (почти в прямом смысле) выставил из замка. Разве что сапогами обеспечил и гугл-переводчик запустил.

– Ты дура, Алина! Никогда. Не верь. Чернокнижникам. Даже будущим, – приговаривала я и била по притихшей лапе, хотя Егорка уже лишился парочки зубов.

– Все, все, – прозвучал над ухом насмешливый голос с хрипотцой. – Ты победила. Она уже мертва.

Большая теплая рука с замысловатой татуировкой на внешней стороне кисти накрыла мои ледяные пальцы. В отупении я позволила забрать щербатый череп.

– Дядька Идрис?!

Я резко вскинулась и уставилась на черноволосого мужчину, сидящего на корточках рядом со мной. С изумлением на загорелом лице он тарашился на череп.

– Вы знакомы? – брякнула я.

– Мне любопытно, откуда знакомы вы? – Мужчина кивнул на беззубого Егорку и выпрямился. – Вставай!

Он протянул руку. Секунду я разглядывала длинные паль-

цы с разбитыми костяшками, а потом приняла помощь. Отряхнула перепачканные пижамные шорты, осмотрелась. Вокруг ни труп, ни ошметков тел. В углу тупика притулился отвратительно воняющий деревянный короб, прикрытый съехавшей крышкой. Неожиданно поверженная лапа, распластанная по брусчатке, взорвалась черным дымом, заставив меня отскочить и налететь на мужика. Знакомый череп Егорки был выше меня на голову, загорелый, небритый, с черными глазами и разбитой губой.

– Извини, – пробормотала я и тут до меня дошло: – Послушай, а ты, часом, не Макстен, учитель малолетней скотины из этого странного замка?

– Смотря о каком замке идет речь, – прищурился он.

– О Мельхоме.

Какое счастье, что за год работы в туристическом агентстве я научилась с первого раза запоминать названия, даже плохо произносимые и еще хуже укладывающиеся в памяти.

– Сдается мне, нам есть что обсудить. – Мужик крепко сжал мой локоть. – Только у меня тут осталось одно дело. Надо плату за этих двух демонов забрать. Ты ведь никуда не торопишься, Алина?

Если только домой, но что-то не вижу очереди из желающих меня сопроводить обратно в нормальный человеческий мир. Видимо, со скотиной он знаком не хуже, чем с черепом, а значит, просто так от меня не отделается. Вопьюсь, как клещ!

– Похоже на то, – улыбнулась я и выразительно вцепилась в рукав черной рубашки. – Откуда знаешь, как меня зовут?

– Ты колотила черепом по лапе и очень мило себя ругала, – объяснил он. – Я предположил, что вряд ли твое имя Дура.

– Хорошо, что ты не ошибся, – выпуская его рукав, кашлянула я.

Некоторое время мы петляли по переулкам между серыми каменными зданиями, а потом вышли на людную улицу, и я резко остановилась, почувствовав себя так, словно влетела в невидимую стену. Вокруг были каменные дома не выше двух этажей. Двускатные крыши покрывала черепица. Ор, шум. В пыли прохаживались куры... В последний раз живую курицу мне довелось лицезреть в птичнике зоопарка.

Я стояла среди средневекового хаоса, одетая в замызганную пижаму, больше открывавшую, нежели закрывавшую, и понимала, что меня точно загребут за растление пуритан. И почему вчера не пришло в голову улечься спать во фланелевой ночной сорочке до пят, подаренной бабушкой на Новый год?

– Ты что остановилась? – оглянулся чернокнижник.

Что-что? Одета не по случаю и как бы вообще из чужого мира. Повезло, что я переместилась в лето, иначе заработала бы переохлаждение и вместо родной квартиры действительно отправилась бы экспрессом на тот свет. Никогда еще меня не одолевала такая жажда жизни, как этим безумным днем!

– Обувь натирает, – нагнала я Макстена.

– Знакомые сапоги, – заметил он.

– Твоей бывшей кухарке принадлежали.

– Если мне не изменяет память, в них она и умерла.

Я споткнулась, но колдун успел подхватить меня под локоть, не позволив разбить нос о брусчатку. Господи, не сапоги, а пара маньяков-убийц. Есть у меня подозрение, что бедная кухарка упала в замке на ровном месте и сломала шею.

– Не спросишь, что случилось? – словно прочитал мои мысли чернокнижник. А может быть, действительно прочитал?

– Нет, – немедленно отказалась я. Меньше знаешь, лучше спишь.

Напрасно я волновалась, что прогулка закончится триумфальным сожжением развратницы в легкомысленной пижаме. Завидев мужика с черепом в руках и с полуголой девицей на прицепе, они отводили глаза и старались поскорее освободить дорогу.

Не удержавшись, я оглянулась. И напрасно! Если в лицо благопристойные горожане не смотрели, то в спину пялились с таким ужасом, будто в городе, приняв человеческий облик, появились два всадника Апокалипсиса. Вроде как мы хотели ступить на Землю тайно, чтобы не привлекать внимания, но просчитались с реквизитом: беззубый аксессуар и фривольная одежда выдали нас с головой.

– На нас все пялятся, – пробормотала я, обращаясь к Мак-

стену.

– Конечно, ты одета, как блудница.

– А ты несешь череп! – огрызнулась я.

Умеет же мужик наступить на больную мозоль! Издевался он определенно лучше, чем учил всяких бездарей. Хотя какая наука, если он дома, судя по всему, не появлялся? За демонами по подворотням бегал, пока Эверт Ройбаш, чтобы у него случился затяжной приступ несварения, приличных работников туристических агентств из кроватей крал.

Шеф недавно намекал, что для общего кругозора мне было бы неплохо слетать за свой счет в какой-нибудь рекламный тур, а раз в Китае я уже успешно терялась, то пора побродить по Европе. Как сглазил, ей-богу! Вот вам, Алина Олеговна, тур по достопримечательностям чужого мира в антураже средневековой Европы. Расширяйте кругозор до самого горизонта, главное, глаза не сломайте и умом от перспектив не троньтесь.

Если посчастливится вернуться домой не в виде бедняги Егорки, то я открою ногой дверь в начальственный кабинет и с порога заявлю: «В гробу и белых тапочках видела я ваши рекламные туры!» Вернее, в пижаме и изношенных сапогах.

– Твой ученик выставил меня из замка, даже не предложив платье, – немедленно наябедничала я.

– Он тебе подарил сапоги, – индифферентно напомнил колдун.

– От мертвой кухарки.

– На самом деле странно. Обычно он выставляет девиц в простыне, – «обрадовал» меня чернокнижник. – Или ты рассчитывала, что он тебя прямоком домой отправит?

– Вообще-то рассчитывала.

Я уже собралась в подробностях объяснить, что человек не местный, но мы добрались до заведения с облезлой вывеской, и Макстен прямоком направился к обшарпанной двери. Заклинание Эверта позволило понимать устную речь, но не письменность. Название оставалось загадкой, но я подозревала, что мы пришли в трактир. Открыв дверь, чернокнижник пропустил меня вперед:

– Добро пожаловать.

– Ладно, – пробормотала я, с опаской оглянувшись через плечо. Судя по тому, как испуганно перешептывался народ, атмосфера на улице становилась явно нездоровой.

Стоило войти в сумрачное, кисло пахнущее помещение, как в глазах потемнело. Моргая, словно полуслепая сова, я осмотрела большой зал с деревянными подпорами. С появлением неожиданных гостей в трактире воцарилась пугающая тишина. Абсолютно все посетители, в большинстве похожие на головорезов с большой дороги, повернули головы в нашу сторону. В проходе застыл пузатенький типчик в замусоленном фартуке и с глиняным кувшином в руках.

А я-то полагала, что на улице обстановка была напряженной. Оказывается, мы просто в трактир не успели зайти!

– Прекрасный день, господа, – с насмешкой, громко вы-

молвил колдун и чуть подтолкнул меня в сторону крайнего стола, мол, проходи.

– Господин Керн, а мы не ждали! – Судя по вытянутой физиономии трактирщика, чернокнижника не только не ждали, но и давно приписали к собратьям Егорки.

Хозяин бросился сметать с поцарапанной столешницы хлебные крошки. Он так активно полировал крышку грязной тряпкой, словно хотел, чтобы дерево заблестело, отразило чернокнижника и тот отправился к прародителям, испугавшись собственной глумливой физиономии. Не дожидуся! Пусть сначала колдун отправит домой иномирную гостью, пока она не озверела от местного гостеприимства и не начала кидаться на людей.

Когда я уселась на лавку перед оттертым столом, то почувствовала, что сапоги начали неприятно прилипать к немытому полу. Чистюля внутри меня от приступа брезгливости закатила глаза и свалилась в глубоком обмороке. Макстен водрузил на столешницу череп. Егорка пустыми глазницами с осуждением таращился на обеденный зал и щерил рот. При виде ведьмовского аксессуара трактирщик спал с лица и проблеял:

– Что желаете, господин Керн?

– Покормить даму. Она с дороги, – кивнул в мою сторону чернокнижник. Станным образом этот дурацкий кивок заставил взгляды разбойников сойтись на мне. Вместо того чтобы притвориться маленькой и незаметной, я выпяти-

ла грудь. Пусть помрут от смущения! Кое-кто действительно отвернулся и осенил себя знамением. Другими словами, перекрестился.

– Сейчас-сейчас, – засуетился трактирщик, – еда будет подана.

Не успела я глазом моргнуть, как на столе появился глиняный горшок с густым варевом, по запаху похожим на рас-сольник, порезанный грубыми кусками хлеб с отрубями и пыльная бутылка с вином.

– Ешь, не бойся, – откупоривая бутылку, Макстен смотрел на трактирщика. – Он знает, что на ведьм яды не действуют, а разозлить могут. Правда, Рето?

– Как можно пытаться вас отравить, господин Керн? У нас приличное заведение, – промычал тот, окончательно спадая с лица. Глядя на неестественную бледность «хлебосольного» хозяина, не оставалось сомнений, что точно подмешал как минимум крысиный яд. Вздыхнув, я отложила ложку и смирилась с тем, что до возвращения к родному холодильнику останусь голодной. Надеюсь, это самое возвращение не заставит долго ждать, и я не отошчаю до состояния Егорки, а только эстетично сброшу пару килограммов.

– Что-нибудь еще? – спросил он, следя за тем, как черно-книжник брезгливо принимает к вину.

– Твою душу, – серьезно вымолвил он и с такой силой поставил бутылку на стол, что подпрыгнули тарелки.

Хозяин выкатил глаза, прижал руки к груди и попятился.

– Что это выходит, Рето? – тихо заговорил Макстен, не спуская с трактирщика страшного взгляда. – Значит, так ты отдаешь долги? Думал, я не справлюсь с паршивыми прислужниками? Смотрю, на всякий случай подготовился: народ собрал, дверь проклятьем обложил.

Что он сказал? Проклятье?! Вспомнилось, как черно-книжник, неожиданно выказывая галантность, в дверях пропустил меня вперед. Ведь догадывался о проклятье, скотина ведьмовская! Сразу вспомнился бородатый анекдот: в лифт пропускайте даму первой, проверьте на ней – не упадет ли кабина.

– Так на мне сейчас проклятье?! – выпалила я, перебивая колдуна.

Тот поперхнулся на полуслове и оглянулся в мою сторону с таким удивлением, словно я была неожиданно заговорившей тумбочкой.

– Мы можем обсудить это позже? – тихо уточнил он.

– Нет, черт возьми! Что, если позже я умру? – воскликнула я и вдруг заметила, что народ начал вставать со своих мест.

– Сядьте, господа, – тихо, с угрозой в голосе произнес Макстен. – Я пришел мирно поговорить.

Господа оказались глухи к вежливой просьбе и садиться напрочь отказались, кое у кого в руках, как по мановению волшебной палочки, появились ножи. Судя по мерзостным, агрессивным физиономиям разбойников, умереть от

проклятья для девицы в пижаме было не самым плохим вариантом.

– На место, овцы! – вдруг рывкнул чернокнижник пробирающимся до мурашек хриплым голосом. В черных глазах вспыхнуло пламя, на лице пролегли глубокие, похожие на шрамы, морщины. Казалось, в одно мгновение из молодого мужчины колдун превратился в пугающего старика. Воздух содрогнулся, задрожала посуда. На одном из столов лопнул кувшин, и в разные стороны брызнуло вино. И наступила тяжелая тишина.

Я в ужасе смотрела на Макстена, ожидая, что прямо сейчас под разрушительной силой магии трактир задрожит и начнет разваливаться на бревнышки, но ничего не происходило. На лице чернокнижника появилось обескураженное выражение. Разбойники, вроде напуганные ведьмовским выпадом, переглядывались. В зале воцарилась атмосфера коллективного недоумения, и только хозяин трактира расплылся в широкой, довольной улыбке.

– Эй, плешивый ведьмак, думал, что я не позаботился о защите от черной магии?

И банда в полном составе рванула на колдуна.

– Прячься! – бросил Макстен.

Во время паники у меня зачастую отрубалась какая-то важная часть головного мозга, и, несмотря на темный цвет волос, я превращалась в блондинку из американских фильмов ужасов. Вместо того чтобы броситься наутек из тракти-

ра, я схватила череп и юркнула под добротный стол. Только спряталась, как кто-то налетел на мое убежище, сметя на пол еду. С края столешницы потекло вино. От страха я подскочила, хорошенько приложила макушкой и немедленно свернулась комочком, прижимая к груди Егорку. Народ за пределами стола бесновался и захлебывался бранью.

– Хватай ведьму! – прохрипел кто-то.

С визгом я увернулась от грязных лапищ и, лягнув мужика сапогом, выскочила из-под стола. В трактире шла настоящая потасовка, совершенно не похожая на те, что показывали в кино, когда кровь красиво летела в замедленной съемке, а актеры наигранно размахивали кулаками, не умея эти самые кулаки толком сжать. Драка в зале была страшной, грязной и яростной. Макстен отбивался, видимо, не жалея магии. Некоторые головорезы, получив удар, резко разворачивались и, словно дикие звери, набрасывались на сотоварищей.

– Куда собралась, ведьма? – рявкнул мне в лицо бородатый здоровяк, щербатостью вполне способный посоревноваться с Егоркой. Неожиданно стало ясно, что мужики обступили меня плотным кольцом. Раз они меня называли ведьмой, то следовало соответствовать. Я выставила вперед череп и проорала страшным голосом:

– Караганда!

Не знаю, что именно пугало в звучном названии местных дикарей, но бандиты отхлынули от меня, словно от прока-

женной. Оттолкнув одного из противников, Макстен оказался рядом со мной и прижался спиной к моей спине.

– Продолжай, – пробормотал он едва слышно.

– Я понятия не имею, что мне выкрикивать, – процедила я, не забывая для устрашения тыкать в сторону мужиков черепом, а потом прикрикнула: – Оксюморон!

– Отлично, – похвалил меня чернокнижник.

– Компьютер, факс, степлер, рентген... – посыпала я понятиями, неизвестными в мире Средневековья, а потом буркнула: – Чем ты там занимаешься, пока я держу круговую оборону?

– Спасая нас, – напряженным голосом отозвался колдун. – Не останавливайся!

– Трансферт!

– Умница...

Откровенно сказать, у умницы заканчивался словарный запас и начинался паралич мозгов. Мужички постепенно осознавали, что выкрики «ведьмы» не несли никакой магической нагрузки, и начали наступать. В отчаянье я заорала, возведя череп к потолку:

– Ав-то-мо-биль!

– Еще, – последовал приказ от боевого товарища. Хотя видела я таких «товарищей» в том же гробу, где и рекламные туры по чужим мирам за свой счет.

– Давай теперь сам.

– Немедленно! – рыкнул он.

– Да что б вас всех тут пробрало... – буркнула я и завопила дурным голосом, как доведенная до края банши: – Абракадабра!

Из глазниц бедняги Егорки выплеснулись два зеленых луча. В круг магического света попал не вовремя рванувший к нам головорез, и его просветило до скелета. От изумления я взвизгнула и выронила череп. Он катился по полу, выплевывая в воздух короткие зеленые лучи, а я ловила себя на мысли, что не зря никогда не доверяла сказкам.

Вот так скажешь в каком-нибудь параллельном мире невинное словечко из детской книжки, а окажется, что толпу мужиков расстреляла! А ведь это была простая «абракадабра», что бы случилось, выкрикни я «Авада Кедавра»? Все бы сразу замертво упали? На этой изумленной мысли сознание начало меркнуть, не иначе как подействовало проклятье, пойманное в дверях гостеприимного заведения. Прежде чем умереть, я еще успела заметить, как головорезы брызнули в разные стороны, словно тараканы...

Оживала я мучительно, как с утра после бурной студенческой вечеринки. Сдернула с головы покрывало, попыталась перевернуться... и с грохотом свалилась на пол. Оказалось, что я лежала не на жесткой кровати, а на узкой лавке в перевернутом вверх дном трактире.

– Очнулась? – прозвучал смутно знакомый хрипловатый голос.

– Почему я все еще в этом мире? – простонала, обраща-

ясь в пустоту, и тут же стрельнула (в смысле сфокусировала) взглядом в сторону чернокнижника: – Не отвечай.

Он сидел за накрытым столом и, что-то жуя, индифферентно отозвался:

– Я и не собирался.

Покрывало на поверку оказалось длинным черным плащом из плотной ткани. Рукавов или прорезей для рук не было, зато имелся огромный капюшон. Другими словами, инквизиция на выезде, но не человеку в измазанной пижаме воротить нос от неожиданно свалившейся на голову одежды.

Трактир был пуст, входную дверь выбили. Сквозь проем в зловонное сумрачное нутро заведения проникал солнечный свет. Нетвердой рукой я уцепилась за лавку, чтобы подняться, и тут обнаружила на внешней стороне кисти татуировку, подозрительно похожую на ту, что имела у чернокнижника. Открытие, сказать прямо, взбодрило и подняло давление. Я вскочила на ноги с такой проворностью, будто не валялась без сознания.

– Что это, черт возьми?!

– След от проклятья, – с индифферентным видом пояснил ведьмак.

– Я же теперь выгляжу, как адепт сатанинской секты!

– Зато ты избавилась от проклятья, – заметил Макстен и заработал выразительный взгляд.

– То есть ты мне хорошую новость сейчас сказал?

– Поверь мне, дитя, я пожил на этом свете. Когда ты точно

знаешь, что не умрешь от проклятья, – это не просто хорошая, а отличная новость. Присоединишься к празднованию?

Знаете, как говорят? Если не можешь изменить ситуацию, то измени отношение к ней. Вряд ли сектантскую татушку можно стереть, послунявив пальчик, но лазерную коррекцию никто не запрещает сделать. Как же я обожаю наш цивилизованный мир, где люди не пугаются слова «автомобиль»!

– Если ты угощаешь, – проворчала я, направляясь к столу. – А где все?

Вопрос прозвучал даже для меня странно, как будто в опустевшем трактире была не поножовщина, а удалая свадьба с дракой.

– Ушли, – отозвался Макстен и указал полным стаканом: – И дверь с собой унесли.

– Трактирщика тоже унесли?

– Пока не успели. Выпьешь за его душу?

– По-твоему, поминки – это празднование? – буркнула я, но за стол плюхнулась. Покрытый копотью щербатый Егорка стоял между тарелками.

– Кстати, это моя «абракадабра» заставила его зелеными лучами стрелять? – полюбопытствовала я.

– Больше черная магия, помноженная на твое проклятье...

– Без подробностей, – пробормотала я, не желая знать, что мной очередной раз воспользовался один из чернокнижников, которым ни в коем случае нельзя было доверять.

– Другими словами, я всех нас спас.

– Просто супергерой, – фыркнула я и добавила, чтобы исключить недопонимание: – Это была ирония, если ты не понял.

Тарелки оказались вымытыми и целенькими. Еда, в отличие от рассольника, выглядела приличной. Для придирки я пристально проверила ложку, но смешно придираться к чистоте столовых приборов, когда у самой руки грязные.

– Так из какого ты, говоришь, мира? – покосился на меня Макстен.

– Из того, откуда твой ученик меня своровал, – без зазрения совести заложила я Эверта и под сытный обед рассказала абсолютно обо всем, что произошло в замке.

Не успела я доестъ, как в трактир ввалились люди в красных плащах, и спокойная трапеза тут же оказалась прерванной.

– Чернокнижник Макстен Керн и безымянная черная ведьма, известная как Невеста Чернокнижника, именем короля вы арестованы! – заорал с порога нервный страж.

Как же вышло, что я всего несколько часов находилась в параллельном мире, а уже и прозвище получила, и с дурной компанией связалась? Спрятав руки под стол, я съежилась. Желудок от страха свело судорогой, и обед стремительно подступил к горлу. Однако Макстен волнения не выказал. Не обращая внимания на вооруженный отряд, он спросил:

– Ты наелась?

Я судорожно кивнула.

– Тогда возвращаемся домой. – Он поднялся с лавки, и стражники в одну секунду ощерились мечами.

– Они на нас нападут, – прошептала я с истерикой в голосе.

– Не нападут, – уверенно покачал он головой. – Среди них нет мага. Дядьку Идриса прихвати.

– Кого? – вылупилась я и тут же поняла, что речь идет о дорогом спасителе Егорке. Поспешно схватила со стола череп и, путаясь в длинном, неудобном плаще, ужасно натравившем завязкой шею, кое-как перевалилась через лавку.

Макстен схватил меня за запястье и улыбнулся:

– Капитан?

Решительной походкой, таща меня за собой, он направился к перекрытому дверному проему. Блюстители порядка испуганно попятились. Не сбавляя шага, Макстен резко вскинул руку. Капитан захрипел, схватился за горло, а потом начал медленно подниматься над полом, яростно суча ногами в сапогах. Отряд оцепенел, боясь пошевелиться.

– Дорогу, господа, – очень тихо вымолвил чернокнижник, но даже у меня от страха екнуло сердце.

За нашими спинами хрипел почти задушенный страж. Народ хлынул в разные стороны, освобождая проход. Раздались грохот и надрывный кашель. Я оглянулась через плечо. Капитан катался по полу, пытаясь вернуть дыхание.

– Олухи, держите его! – хрипел он, но Макстен уже вошел

в слепящий свет за порогом, а следом за ним и я.

В глазах потемнело. Когда я проморгалась, то с изумлением обнаружила, что стою в знакомом холле замка Мельхом.

– Учитель! – разлетелось в гулком пространстве эхо. Эверт Ройбаш кубарем катился по лестнице, чтобы встретить долгожданного хозяина. Скромно и бесшумно появился черный прислужник Хинч. Тут парочка увидела меня и замерла.

Чернокнижник забрал у меня Егорку и сунул в руки слуги:
– Отмыть.

Потом без слов он начал подниматься по лестнице на второй этаж. В ошарашенной тишине раздавались быстрые шаги. Притормозив рядом с оцепеневшим учеником, он кивнул в мою сторону:

– Одеть, отмыть и отправить домой в ночь Черной звезды.

– Я не знаю как, – проблеял Эверт, боясь даже покоситься в мою сторону.

– Ты не знаешь, как ее одеть и отмыть? – спокойно спросил Макстен, и в этом спокойствии было скрыто столько ярости, что я бы на месте неуча потеряла сознание, скатилась с лестницы и по собственному желанию свернула шею. Другими словами, самоустранилась от стыда.

– Отмыться я и сама могу! – прикрикнула я, вздрогнув от одной фантазии, как малолетний недоумок приготовит «ванну с пузырьками», а потом принесет деревянных уточек и предложит потереть спинку.

– Не знаю, как отправить, – откашлялся бледный как смерть ученик.

– У тебя еще месяц, чтобы узнать.

– Месяц?! – поперхнулась я. – Но у меня нет месяца. Я думала, что вы тут поколдуете и прямо сейчас меня переправите.

– Что я могу сказать, – ухмыльнулся он, бросив на меня насмешливый взгляд, – добро пожаловать в замок Мельхом.

Добро пожаловать?! Он издевался после того, как мы вместе толпу разбойников уничтожили? Если бы не моя волшебная «абракадабра», он бы сейчас катился по гладкой дороге в ад, прямиком в котел с другими ведьмаками. Неблагодарная скотина! Никогда не верь чернокнижникам, Алина! Особенно тем, кто хорошо колдует!

Глава 2

Беда в мирном замке

– Ваша спальня, госпожа. – Хинч остановился возле двери. – Не переживайте, в хозяйском крыле не бывает привидений, открывается прекрасный вид из окон, а банная комната оснащена чудесным магическим ватерклозетом. В вашем мире дома оснащают ватерклозетами?

– В обязательном порядке, – нервно улыбнулась я, постеснявшись сказать, что желала бы немедленно опытным путем проверить разницу между обычным унитазом и магическим чудом.

– В таком случае вы будете чувствовать себя как дома, – кивнул Хинч и... деликатно постучался в дверь.

Поймите правильно, мне с детства вдалбливали, что в чужие спальни, особенно женские, следовало стучать, но дама-то была все еще снаружи, а очень сильно желала оказаться внутри. Удивительно, как не притопывала.

– Мельхом не любит бесцеремонность, – пояснил прислужник.

– Мне тоже надо стучаться, прежде чем войти? – серьезно уточнила я.

– Но это же ваша спальня, – вкрадчиво посмотрел на меня Хинч. Превосходно! Видимо, на второй сотне лет в лю-

дях просыпался талант давать странные ответы на прямые вопросы.

Дверь сама собой открылась, пропустив нас в небольшую уютную спальню с кроватью на возвышении, туалетным столиком и секретером. Мебель была словно привезена из антикварного салона.

– Банная комната, – торжественно объявил Хинч.

Рассудив, что насладиться видом из окна время найдется, я бросилась к двери в ванную и на ходу объявила:

– Спасибо, дальше я сама...

Вымыв руки в медной раковине, я избавилась от осточертевшего тяжелого плаща. Зеркал в банной комнате не было. Глубокая ванна на ножках в форме львиных лап сверкала чистотой. На полочке лежали аккуратно сложенные полотенца, вероятно, заменявшие банные полотенца. На краю ванны стояла банка с пастой, на поверку оказавшейся подобием пахнущего хвоей мыла. Отскрести грязь хотелось страшно, но имелась проблема – вода из крана шла ледяная. Я выглянула в спальню, чтобы уточнить у Хинча, где бы добыть кувшинчик тепленькой водички, но прислужник уже деликатно удалился.

– Зато за месяц укрепится иммунитет, – попыталась взбодриться я, хотя никогда не верила в чудодейственную силу ледяных омовений, и принялась скидывать одежду.

Мылась частями. Сначала ногу, потом руку, потом еще какую-нибудь часть, осторожно плеская на себя водичкой,

текущей тоненькой струйкой. Удовольствие, мягко сказать, было ниже среднего. Сжав зубы, засунула голову под кран, а когда намылила слипшиеся от грязи волосы, то услышала:

– Кхм...

Резко вскинулась и уставилась на Макстена, замершего в дверном проеме, который неожиданно появился в стене. Спорный сюрприз, сказать прямо.

– Какого черта?! Убирайся! – немедленно прикрыв стратегически важные места руками, взвизгнула я и попыталась слиться с медным днищем. Хотелось бы одарить нахала гневным взглядом, но с головы стекала мыльная пена и попадала в левый глаз. Изображать ярость, по-дурацки щурясь и выглядывая из ванны, было сложновато.

Колдун повернулся спиной и поднял руки, словно сдавался на милость врагам.

– Похоже, Мельхом решил, что у нас будет общая банная комната.

Хотелось верить, что больше Мельхом не прорубит лишних дверей и не загонит в ванную Эверта. Вдруг магический замок решит, что приказ хозяина «одеть, отмыть, отправить» следует понимать буквально?

– Лучше бы он водички горячей дал, – прошипела я, переваливаясь через бортик и дотягиваясь до приготовленной простыни.

– Мельхом, согрей нашу гостью, – приказал Макстен и оглянулся через плечо: – Советую подружиться с демоном

замка.

– Голову повернул! – рявкнула я.

– Не за что, – добавил насмешливо чернокнижник, намекая, что за помощь и бесплатные советы следовало благодарить. Что ж такое? Заваливается в ванную к девушке и еще манерам учит!

– Ты свалишь, наконец?

– Чего я не видел у голых женщин? – фыркнул Макстен, выходя.

– У меня еще ничего не видел! – рявкнула я. В рот попала горькая пена, и защипало глаза.

– Ты сказала «еще»?

– Нет! – хотела прибавить парочку ругательств, но он уже ушел.

После экстремального купания, завернутая в простыню, я юркнула в спальню и обнаружила, что дверь раскрыта нараспашку. В пустом коридоре стоял огромный сундук. С трудом подняв крышку, я обнаружила внутри женскую одежду, переложенную мешочками с травками. Перетащить машину оказалось невозможно. Как я ни напрягалась, ни упиралась пятками в ледяной пол, даже на сантиметр не сдвинула. Пришлось копать в вещах прямо в коридоре. Необъятноеместилище чужих нарядов неожиданно порадовало штанами, похожими на лосины, и приличной рубашкой, видимо, мужской. Одевшись, готовая к новым подвигам в незнакомом мире, я встала посреди комнаты, уперла руки в бока и

вдруг поняла, что дела закончились. На ближайший месяц я была совершенно свободна. Какой кошмар!

– Мельхом, проведешь экскурсию? – подняв голову к потолку, громко спросила я. Дверь в комнату категорично хлопнулась, отрезая меня от сундука с вещами. Ответ был более чем определенный.

– Хотя бы дай одежду разобрать, – буркнула я.

Следующий день шел уныло. На улицу Мельхом меня не выпустил, только на задний двор. Прогулка по безлюдному замку и оранжерее, оставляющей ощущение цветущего хаоса, заняла чуть больше часа. Стоя посреди пустого зала с паркетными полами, я покачала головой и спросила у пустоты, со стороны выглядя совершенно чокнутой:

– Замок, ты такой большой и абсолютно пустой! Самого не воротит?

Мгновением позже пространство пришло в движение. От страха потеряв дар речи, я следила, как сжимались стены и потолок. Сейчас меня раздавит, как муху! Колени подогнулись, я села на корточки, закрыла голову руками и зажмурилась. Вокруг дрожало, гудело, хрустело, и вдруг наступила тишина.

Выждав пару секунд, я осторожно подняла голову и присвистнула от удивления. Огромный балльный зал исчез, а меня каким-то чудом перетащило в небольшой холл с мраморной лестницей, ведущей на второй этаж, и крюком от люстры на потолке. Замок явно перестал выглядеть как замок и

заметно уменьшился в размерах.

– Эверт, какого демона?! – Макстен вырвался в холл из соседнего помещения, видимо, теперь превратившегося в гостиную. Наткнувшись на меня, он резко остановился и упер руки в бока. Я не видела колдуна со вчерашнего вечера – Мельхом запер спальню, подозреваю, что не без приказа хозяина. Стоило признать, что мужчина выглядел неплохо: отмылся, побрился, причесался... взбесился.

– Мне очень жаль, – вымолвила я тоном профессионального менеджера по туризму, отправившего отдыхающих в Лапландию вместо Испании. – Прошу прощения за доставленные неудобства.

– То есть вот это... – Макстен махнул рукой, намекая на преображенный замок, – неудобства?

– Я не знала, что так выйдет.

Плохо, очень плохо, Алина! Ты даже на работе оправдывалась ловчее. Надо было заплакать. Точно! Женские слезы пугали мужчин. Плакать совершенно не хотелось.

Чернокнижник выдохнул. Подозреваю, что мысленно он уговаривал себя не проклинать глупую девицу.

– Чем тебе не понравился размер *моего* замка? – тихим, хрипловатым голосом спросил Макстен.

– Ну...

– Ты понимаешь, что предки Керны теперь в гробах вернуться?

– Понимаю.

– В прямом смысле этого слова, – добавил хозяин обмельчавшего жилища.

Входная дверь широко распахнулась. В замок ворвался переполошенный Эверт, от ужаса бледный до синевы. На пороге он споткнулся и едва не уткнулся носом в мраморный пол.

– Учитель, клянусь, я ничего не делал! – воскликнул мальчишка. – Он сам вдруг уменьшился в размерах...

Тут его взгляд остановился на мне, речь сбилась, и указательный палец ткнул в мою сторону:

– Это была ты? Ты нас лишила почти всех помещений? Хорошо хоть, башня с библиотекой и лабораторией сохранилась!

– Кхм, – глубокомысленно промычала я.

В холле возник бесшумный Хинч. За голую чугунную ручку темный прислужник держал скворчащую раскаленным маслом сковороду.

– Господин Керн, сковороду и перепелов я спас, но мы лишились очага с котелком готовой похлебки.

И наступила тяжелая тишина. Оказавшись под перекрестным огнем трех осуждающих взглядов, я пробормотала:

– Если я извинюсь перед замком, он снова вырастет и вернет обед?

– Нет! – выражая солидарность, в три голоса рывкнули мужчины.

– А вы не пытались думать в позитивном ключе? – решила

блеснуть я знаниями психологии, почерпнутыми из книжки типа «Как стать счастливым за неделю, но не скончаться от радости». – Зато теперь мы станем ближе.

В прямом смысле этих слов...

Положа руку на сердце, если бы ко мне в квартиру вломились незваные гости, а потом отхватили половину единственной комнаты, я бы озверела. Стало ясно, что лучше прикусить язык, иначе чрезвычайно сдержанный для своей нервной профессии темный колдун не дожидется Черной звезды и отправит меня куда-нибудь магическим пинком под зад. И это явно будет не мой родной мир.

– Да ладно, ребят! Я же не сказала Мельхому ничего обидного, просто предположила, что ему надоело стоять пустым...

– Хозяин, хотите я ее сожру? – повернув голову к Макстену, предложил Хинч. Неожиданно обнаружилось, что он раздувал ноздри, словно действительно принюхивался и оценивал, насколько иномирная гостья аппетитна.

– После третьего предупреждения.

– Не имеете права, я гражданка другого мира! – выпалила я.

– Первое уже есть, – спокойно добавил Макстен.

Неожиданно мужики разошлись в разные стороны, видимо, намереваясь проверить, как много комнат и помещений оставил обидчивый Мельхом в распоряжении жильцов.

– Но ведь стало уютнее! – крикнула я, но народ явно под-

бадривания не оценил.

Стоило признать, что уютнее не стало, а только теснее. Все спальни оказались перенесены на один этаж. Моя комната обмельчала, исчезла отдельная ванная. Демонический замок наказал новую жиличку общими удобствами в конце коридора. По соседству, судя по возмущенным воплям, несшимся из-за закрытой двери, был поселен Эверт. Зато сундук с вещами по-прежнему красовался посреди коридора. Столовая и кухня объединились. С одной стороны каменную стену подпирали закопченный очаг, шкаф с посудой и кухонный прилавок, а с другой, под окном, неловко громоздились знакомый стол и изящные стулья, сохранившиеся от прежней обстановки.

Обедали в угрюмом молчании. Хинч поглядывал на меня как на сырую отбивную, ученик чернокнижника – как на врага всего магического мира и его лично, и только сам хозяин замка казался непробиваемым. В принужденном молчании кусок застревал в горле. Вернее, еда не шла в принципе – черный прислужник чудовищно готовил, но после преобразования Мельхома обед как-то по-особенному не лез.

– Нет аппетита? – светским тоном спросил сидевший во главе стола Макстен.

Почувствовав подвох, я поерзала на стуле и осторожно вымолвила:

– Мясо островато.

Стоявший за спиной хозяина Хинч многозначительно

кашлянул и с выразительным видом отправился ставить чайник на небольшой очаг – жалкое подобие величественного монстра, украшавшего кухню поутру.

– Может, нам стоит нанять кухарку? – вдруг задумался чернокнижник. – Только у нас так мало стало места в замке, что даже не знаю, куда поселить бедную женщину.

– Хозяин, я могу переехать в кладовку, – раздался загробный голос прислужника, выказывающего удивительную жертвенность.

Макстен сделал вид, будто не услышал конструктивного предложения и продолжил рассуждать:

– Восточного крыла для прислуги сегодня не стало, спальни только на втором этаже. Пристройка еще есть. Но если в замок приедет женщина, придется все-таки выделить одну из комнат...

Эверт затравленно опустил голову, подозревая, что отселить планировали его, но я-то понимала, что в кладовку, пристройку или просто на заднюю лужайку переселят иномирную гостью. Шантажист, а не колдун!

– Вообще я хотела сказать, что женщины в нашем мире умеют готовить, – перебила я. – Так что едой могу заняться я.

– Да неужели? – изобразил фальшивое удивление Макстен.

– И еще вполне могу мыть посуду, – принялась я торговаться. – Хинч уже вторую сотню лет разменял, ему не стоит напрягаться.

Повисла выжидательная пауза. Чернокнижник изогнул брови и уточнил:

– И все?

– А этого мало? – намекнула я, что пакет услуг предложен и пересмотру не подлежит. Учитывая печальную судьбу предыдущих кухарок, решивших по глупости перебраться в замок на заработки, я вообще жизнью, можно сказать, рисковала.

– Учитель, пусть готовит, – громко зашептал Эверт, как будто я сидела в другой комнате, а не за одним с ним столом. – Хинч точно не повар.

Я скромно промолчала, что поваром тоже могу называться лишь отчасти, но борщ с пампушками с меня вряд ли потребуют.

– Что ж, тогда договорились, – мягко улыбнулся колдун и с таким грохотом отодвинул стул, словно на самом деле находился в ярости. – Вставай, Эверт Ройбаш, к нам идут люди.

– Уже? – удивился ученик, моментально вскакивая из-за стола. – Вы только ведь вернулись. Как узнали?

Мне немедленно вспомнились вчерашние подвиги в трактире, сгинувший хозяин заведения и почти придушенный капитан.

– Стражи пришли? – уточнила я, как только мы с Хинчем остались наедине.

– Просители, – коротко объяснил он.

– К черному колдуну? – не поверила я.

– Хозяин – маг высшей категории, – высокомерно фыркнул прислужник и кивнул на пустую кадку: – Посуду мыть здесь. Водопровод на кухне исчез. Вода в колодце.

– А где колодец?

– У замковой стены.

– Вот уж свезло, – пробормотала я, поднимаясь из-за стола, и начала собирать тарелки. – Послушайте, Хинч, вы действительно были готовы меня съесть?

– Да, – ошарашил прислужник, и от удивления у меня даже вилки посыпались на каменный пол.

– Прямо живьем?! – воскликнула я, но тут же махнула рукой: – Нет, не рассказывайте подробностей, я стану буйным неврастеником. Понимаю, что странно слышать просьбу от закуски, однако, даже если я кажусь вам аппетитной, можно спросить совета? Как подружиться с Мельхомом? В нашем мире, знаете, дома не меняют планировки по собственному желанию.

– Когда Мельхом изводил Эверта, то он проводил ритуал, – вдруг расщедрился скряга на нормальный совет.

– Ритуал? – насторожилась я. – Типа в бубен бил, песни всякие пел... и никаких кровавых жертв. Да?

– Мельхом – демон, заточенный предками Кернами в камень, – сухо пояснил прислужник.

– То есть без крови никак?

– Почему же, вы можете попробовать ему спеть, – надмен-

но предложил Хинч.

Он вышел из кухни, оставив меня один на один с остывшим очагом, горой немытой посуды, пустой кадкой и деревянным ведром.

* * *

После самовольной реконструкции Мельхом не отзывался и двери просителям пришлось открывать, что называется, по-человечески. Сложив руки на груди, Макс терпеливо следил, как ученик пытался впустить визитеров. Эверт пыхтел, потел и нервничал. Он бормотал заклинание, перемещающее портал, открывал магическую дверь, но обнаруживал пустой порог. Три раза он ошибался с направлением и бесялся все сильнее.

Колотили в дверь из маленького городка Ансея, что находился в Восточной долине королевства. На узкой, мощенной щербатыми булыжниками улочке стояли секретарь градоначальника с телохранителем. Оба парились в мундирах под палящим солнцем и воровато оглядывались, чтобы никто не заметил. Макс сам мог бы открыть, но как по-другому выдрессировать в ученике умение *видеть* и *осознавать*? Навык был жизненно необходим такому магу, страдающему топографическим кретинизмом, как Эверт Ройбаш. Поэтому чернокнижник спокойно ждал, когда тот справится с заданием. А если у просителей не хватит терпения, то еще и

напрягаться не придется.

Эверт с красной физиономией затравленно оглянулся на учителя и пробормотал:

– Еще разок.

Макстен сделал приглашающий жест, мол, ни в чем себе не отказывай... паршивец, неспособный на простейшее колдовство. Ученик что-то пробормотал под нос, может, помолился или обругал девчонку из иного мира, рванул на себя дверь – и попал! Вместе с ослепительным солнечным светом восточной долины в дверной проем едва не вплеснулся охранник. Секретарь испуганно попятился, будто собрался дать стрекача.

– Нам бы чернокнижника... – пробормотал он.

Обычно Мельхом незаметно менял обстановку приемной, подстраиваясь под привычный просителям интерьер, но демон молчал. Безуспешно скрывая нервозность, визитеры поднялись по высоким каменным ступеням в простую комнату с деревянными панелями на стенах и скромной обстановкой.

Охранник незаметно озирался вокруг, видимо, выискивая смертельные артефакты, но горшок с цветком, поставленный Хинчем на подоконник, и аккуратно вычищенный камин с прокопченной решеткой опасными не выглядели. Впрочем, в замке многое только выглядело невинным. Цветок был плотоядным и питался мухами.

– Здесь нет опасной магии, – спокойно вымолвил Макс-

тен, давая понять, что можно не напрягаться. Черные артефакты хранились в заговоренных шкатулках на втором этаже, куда вела закрученная лестница, узким винтом вонзавшаяся в низкий потолок.

Охранник моментально округлил глаза. Скорее всего, подумал, что чернокнижник умел читать мысли. Мог бы, но чужое сознание обычно походило на помойку. Читать людей легко без магии, в большинстве своем они похожи на открытую книгу. Для чего тратить силы?

Секретарь вытащил из кармана платок, обтер лицо и пискнул фальцетом:

– Господин чернокнижник... – Он откашлялся, вернув басок, и продолжил: – Я помощник...

– Я знаю, кто ты, – перебил Макстен. – Для чего мэру черная магия?

– Потому что белая магия нас скоро в гроб вгонит, – признался секретарь. – Это знаете ли очень деликатное дело...

– Уважаемый мэр Коди сходил на сторону и лишился мужской силы? – усмехнулся Макстен.

– Откуда знаете? – поменялся в лице секретарь.

О том, что перед отъездом чернокнижника в Мельхом приходила заплаканная жена мэра и просила уговорить «старого козла», Макс предпочел умолчать.

– Я не снимаю проклятий, господа, – спокойно отказался помочь он и уже хотел выпроводить визитеров, как секретарь взмолился:

– Господин чернокнижник, мы обратились к белому колдуну Ирену Орсо! Стало еще хуже...

– В Восточной долине появился белый маг? – заинтересовался Макстен. Почти полвека не находилось самоубийц, готовых колдовать в непосредственной близости от гнезда Кернов, а смотрите-ка, возник на горизонте.

– В прошлом месяце он приехал с разрешением на частную практику, – тут же отрапортовал секретарь.

– Завтра Эверт заглянет к господину мэру и разберется с его деликатной проблемой, – неожиданно даже для ученика согласился Макстен. На проблемы градоначальника ему было по-прежнему плевать, а вот с новым соседом, вернее, с его колдовством познакомиться следовало.

Но на Эверта было больно смотреть. Он побледнел в цвет полотна, ткнул себя пальцем в грудь и беззвучно спросил: «Я?!» Макстен кивнул, мол, не мне же обслуживать простых смертных.

– Оплата пятьдесят монет, – добавил он. – Деньги сейчас. Секретарь поперхнулся на вдохе.

– Господин колдун, не считаете, что это как-то...

– Торгуетесь? – изогнул бровь чернокнижник.

– Нет-нет, – испугался тот и пробормотал, вытаскивая из-за пазухи кошель: – Как можно торговаться в такой ситуации? Но если вдруг не поможет?

– Оплата не возвращается. – Макс забрал протянутый кожаный кошель и взвесил на ладони. Ровно полсотни золотых,

совсем недавно отчеканенные монеты, новенькие одна к одной. Количество монет в кармане визитеров чернокнижник всегда угадывал без ошибок.

– Господина мэра не столько деньги волнуют, сколько... как бы выразиться... здоровье, – попытался требовать гарантий секретарь.

– Все будет в порядке с его здоровьем, – уверил Макстен. – Он точно выживет.

Судя по тому, как округлились глаза Эверта, ученик за удачный исход дела вообще не ручался. Едва за визитерами закрылась дверь, как он бросился следом за чернокнижником, поднимавшимся на второй этаж.

– А если у меня не получится? – жалобно скулил щенок в спину мага.

– Снимешь с него печать от блуда и вернешься домой, – успокоил тот ученика.

– Откуда вы знает, что у него печать от блуда?

– Я сам ее поставил пару месяцев назад. Знал, что у мэра привлекательная супруга?

Эверт, поднимался по крутой лестнице и недовольно сопел. Его красноречивое молчание словно говорило, что чернокнижнику Макстену Керну было бы неплохо самому поставить печать от блуда.

– Зачем меня туда отправлять? – ворчал он. – Вы же сами можете снять, не выходя из замка.

– Хочу узнать о талантливом соседе, не признавшем пе-

чать чернокнижника.

На втором этаже, посреди кабинета с громоздкой мебелью, где от черных артефактов даже воздух казался темнее, стоял Хинч. Он смотрел из-под бровей и улыбался кроткой улыбкой демона-маньяка, от какой у любого нормального человека случилась бы остановка сердца.

– Хозяин? – вкрадчивым голосом вымолвил слуга и протянул руку, намекая, что чернокнижнику следовало отдать кошель.

Прислужник обладал нюхом на деньги острее, чем у охотничьего пса на подстреленных уток. Безошибочно узнавал об авансах и отбирал все до последней медяшки. Иногда казалось, лучше бы колдун брал натурой. Хотя натура мэрского секретаря могла пойти разве что на корм демоническим псам или самому камердинеру, выполняющему в жизни Макса роль сварливой тещи.

– Раз вы вернулись, то пора вспомнить об обязанностях главы рода, – мягко намекнул Хинч, что золотые придется отдать.

– Я последний в роду Кернов, – напомнил Макс.

– Поэтому ответственности на вас гораздо больше. Я не говорю о наследниках, несчастным детям все равно достанется разоренная сокровищница и только треть замка, но о насущных проблемах стоит подумать. Погреб требует пополнения. Нам следует купить еду, мыльную пасту, свечи, бумагу, чернила...

– Послушай, Мельхом, знаю, приятель, что мы очень плохо начали, – зазвучал приятный женский голос, и Хинч заткнулся от изумления. – Давай мириться? Я буду хорошей девочкой, только верни в кухню кран с водой.

Девушка из иномирья, призванная паршивцем Эвертом вместо космической силы, говорила во дворе, буквально под кабинетом черно книжника. Обстоятельство вызывало некоторое недоумение, ведь прежде отсюда открывался вид на холмы и вековой засохший дуб.

Макстен подошел к окну и осторожно выглянул из-за занавески. Замок обмельчал настолько, что теперь вместо душевного пейзажа была видна каменная стена. Алина стояла возле круглого колодца с потемневшим от времени деревянным журавлем и склонялась в темную глубину. Скромная рубашка задралась, представив мужскому взору аппетитную попу и длинные стройные ноги, туго обтянутые мужскими панталонами. В этих самых панталонах она выглядела отлично, и Макс промолчал об ошибке в гардеробе, не пожелав отказаться от замечательного зрелища.

– Ладно, поняла, ты не хочешь возвращать водопровод, но хоть ведро дай поднять? – говорила Алина в колодец, а эхо усиливало голос.

– А она весьма милая, – тихо проговорил Эверт, разглядывая женские бедра.

– Находишь? – с иронией оглянулся через плечо черно книжник к мигом смутившемуся ученику.

Алина выпрямилась, попыталась допрыгнуть до края журавля, чтобы поднять ведро с водой, но сноровки не хватало. Она помедлила, почесала лоб, словно пытаясь выудить какую-нибудь идею, а потом возвела руки к небу и заорала дурным голосом:

– *Я свободен, словно птица в небесах!*

– Что она делает? – опешил маг.

– Кажется, поет, – осторожно подсказал Эверт.

– *Я свободен!..*

– Она поет пленному демону о свободе? – озадачился Макс, но тут Алина махнула правой рукой, левой. – И еще она танцует.

– Хозяин, боюсь, это моя вина, – принялся каяться Хинч. – Она спросила, как подружиться с замком...

– *Я забыл, что значит страх!..*

Неожиданно из колодца в небо вырвался гейзер ледяной воды, как пушечное ядро, выскочило деревянное ведро. С визгом недоделанная комедиантка прикрыла голову и отбежала на несколько шагов. Когда гнев Мельхома утих, она обтерла лицо, подошла к колодцу и пнула камни носком сапога:

– Плохой демон! Я тебе песни пою, а ты меня водой поливаешь?!

Из колодца вырвалась тонкая струйка и ударила в девчонку. Она задохнулась, расставила руки. С одежды и волос стекало.

– Очень плохой демон! Я хотела тебе занавески постирать

и полы в холле помыть, а теперь не буду. Ходи как поросенок!

– Она ругает Мельхом? – с изумлением в голосе спросил Эверт, хотя, судя по всему, ответа не ждал.

– Послушай, паршивец, – кашлянул в кулак Макстен, вдруг осознав, что теперь вряд ли в ближайшие лет пятьдесят замок вернет первозданный вид, – ты уверен, что призывал космическую силу, а не главного демона преисподней? Потому что такое ощущение, что именно он явился к нам в женском обличье.

– Хозяин, хотите я ее сожру? – Хинч походил на плотоядный цветок. Сдержанный и воспитанный камердинер снаружи, и кровожадный монстр – внутри. Не зря жизнь в нем поддерживал демон обжорства. Правда, почему-то прилично готовить бес, любящий пожрать, не умел.

– Я бы и рад от нее избавиться, но потом отдача замучает, – тихо ответил чернокнижник.

Как это случилось? Макс сам до конца не верил, но странная девушка, только что пнувшая колодец, за короткий час трижды спасла его шкуру. Это было даже забавно. Дядька Идрис, при жизни обладавший странным чувством юмора, наверное, надорвался бы от хохота, что в абсурдную ситуацию попал именно Макстен, последний Керн, совершивший много хороших дел и в сотни раз больше – плохих. Он оказался должником девчонки из иного мира. Трижды!

Алина воровато огляделась вокруг и начала стаскивать

мокрую рубашку. Поднять голову к окнам и проверить наличие свидетелей раздевания ей в эту самую голову, конечно, не пришло. Она вообще когда-нибудь думала?

– Эверт, отвернись, – приказал Макс.

– Простите, учитель, – пробормотал тот.

– И отойди от окна на три шага, – не сводя взгляда с почти обнажившейся девушки, добавил чернокнижник. Внизу оказалось надето нечто кружевное, открытое и очень соблазнительное на вид. Ежась на холодном сквозняке, Алина выжала рубашку и поспешно начала натягивать обратно, пряча хрупкие плечи и изящные изгибы.

Жаль. Она хороша, когда раздета, молчит и не пытается доставать Мельхом.

* * *

С водой мне помог Эверт. Я наткнулась на ученика, которому мысленно дала прозвище Бездарность, на лестнице. Переодевшись в сухое, я направлялась на задний двор, чтобы взять колодец решительным штурмом, больше не вступая в человеческие переговоры с Мельхомом.

– Ты мне нужен! – рывкнула я, и ученик даже икнул. Видимо, обычно он был нужен, чтобы кого-нибудь заморить до смерти или воскресить – по обстоятельствам. – Добудь мне воды из колодца.

Эверт отлично справился с ролью водоноса. Солнце было

в самом зените, воздух нагревался. Вспотевший Эверт таскал тяжелые ведра на кухню, а я трусила рядом и преданно заглядывала в его вспотевшее лицо (очень действенный способ, практически второй после слез, если что-нибудь необходимо добиться от мужчины).

– Что ты от меня хочешь? – Он поставил ведро на дорожку, потом из него же умылся ледяной водой. Я действительно пыталась подлизаться, поэтому возмутилась негигиеничностью только мысленно.

– Как ты подружился с Мельхомом? Знаешь, очень хочется вернуть кран на кухню, иначе вы же надорветесь, пока будете таскать ведра.

– То есть ты заботаешься о нас? – удивился Эверт неожиданному повороту.

– Конечно, – состроила я удивленное лицо. – У меня-то через месяц будет снова водопровод, а вы останетесь с колодцем.

– Ладно, и что ты хочешь знать?

– Ты правда проводил ритуал, чтобы подружиться с демоном? Не знаю, там... кхм... жертву приносил?

– Жертвоприношение? – моргнул Эверт и завис на пару секунд, вдруг его лицо осветилось очень странной улыбкой латентного маньяка: – Да, я проводил ритуал с жертвоприношением.

– Поможешь?

– Ну... Смотря что ты предложишь взамен.

Проклятье! Миры разные, а все равно везде царят товарно-денежные отношения.

– Я уже не девственница, – немедленно напомнила я, что пытаться развести меня на какое-нибудь ритуальное неприличие совершенно бессмысленно. – Ладно, я выполню любое твоё желание.

Глаза ученика блеснули в предвкушении.

– Но это не будет никак связано с ритуальным... Ну, ты понимаешь.

– Не очень, – покачал он головой.

– Никаких прелюбодеяний и блуда. Даже тантрических. Проклятье, даже мысленных!

– А что значит тантрический? – заинтересовался он, будто действительно размышлял, а не начать ли спорить.

– Объяснять долго, а тебе все равно не светит, – отговори-лась я, сама не вполне понимая, что это значит, вернула-то для красного словца.

– Ладно, согласен. – Он протянул руку. Я смотрела на длинные пальцы с грязными ногтями и пыталась отогнать подозрительную мыслишку, что заключаю сделку с мелким демоном перекрестка. На полновесного дьявола Эверт все равно не тянул.

– Только попробуй меня обмануть, – процедила я, отвечая на рукопожатие. – Выбью зубы, будешь похож на череп дядьки Идриса!

Мы сговорились, когда после ужина Макстен займется

чернокнижными делами, встретиться в библиотеке и честь по чести подготовиться к ритуалу. С едой возникла заминка. Оказалось, что я сильно преувеличила собственные таланты, когда подрядилась стряпать в средневековом замке (хорошо, в огрызке от средневекового замка). Для готовки на очаге с углями, помеси печи и камина, совершенно непохожем на электроплиту, требовалась недюжинная сноровка. Единственным кулинарным изыском, на какой хватило моих навыков, была яичница с помидорами. Оставалось надеяться, что чудовищная стряпня камердинера сделала мужчин в замке невосприимчивыми к невкусной еде.

– Приятного аппетита, – улыбнулась я.

Подозреваю, что чернокнижники восприняли мои слова как издевательство. Стол был пустым. Стоял случайно сохранившийся после перестройки трехрогий серебряный канделябр, три тарелки с приборами, глиняная миска с яичницей из двадцати яиц и шести помидоров и... все. На этом гастрономические и дизайнерские изыски заканчивались.

– В нашем мире яичницу с помидорами едят по особым случаям, – с улыбкой жизнерадостной идиотки соврала я и принялась раскладывать угощение по тарелкам. – На большие праздники, на день рождения.

– А у нас, когда жрать совсем нечего, – задумчиво пробубнил под нос Эверт. – Тяжело же вам живется.

– Я говорил, что нам надо пополнить запасы, – с достоинством заметил Хинч, стоявший за спиной хозяина.

От трапезы он отказался, заявив, что ел на прошлой неделе. Спорить я не стала, мало ли какой диеты придерживались разменявшие вторую сотню лет одержимые, любящие полакомиться свежатиной, как Бармалей. Может, он поймал и живьем схрумкал парочку птичек, раз меня на съедение не отдали.

– Приятного аппетита, господа, – пресек споры Макстен и, щелкнув пальцами, зажег свечи в канделябре, а заодно в масляных светильниках на каменных стенах.

Когда с ужином было покончено, со стола убрано, а посуда кое-как перемыта мыльной пастой, щиплющей руки, я сбежала из кухни в библиотеку, где меня уже дожидался Эверт. Он стоял у пюпитра с закрытым гримуаром в черной кожаной обложке, по виду очень старым.

– Что делаешь? – подняла я повыше свечу.

– Свят, свят, свят! – отшатнулся от книги Эверт и неожиданно осенил себя крестным знамением. – До разрыва сердца доведешь.

– А что, чернокнижников не разбирает паралич, если вы креститесь?

– Типун тебе на язык, – буркнул ученик. – У меня папа был духовником.

– И как тебя занесло-то? – кивнула я на книгу явно магического содержания.

– Чернокнижники хорошо зарабатывают, – буркнул он.

– Угу, особенно по твоему учителю богатства заметны, –

ухмыльнулась я, вспомнив, с какой болью камердинер говорил про закупку продуктов. – Так с чего начнем?

– Приложи сюда руку и задай вопрос. – Эверт с подозрительной поспешностью уступил мне место перед книгой. Пристроив свечу на маленький столик, я подошла к пюпитру. На черной кожаной обложке был выдавлен след от человеческой пятерни.

– Как мне подружиться с Мельхомом? – громко спросила я и приложила руку к оттиску. Неожиданно по контуру вспыхнули красноватые сполохи, в ладонь ударило сильным электрическим разрядом, даже волоски встали дыбом, и сердце загрохотало. Одной сочной матерной фразой я выругалась на хитреца Эверта, черные гримуары, изменчивые замки и отпрянула от стойки.

– Пробудился! – с изумленным восторгом воскликнул партнер.

– Ты мог предупредить, что будет больно? – процедила я, изучая покрасневшую ладонь.

– До свадьбы заживет, – с видом жадного ребенка, нашедшего на полке пакет с килограммом шоколадных конфет, отодвинул он меня.

– Я до свадьбы не доживу, если меня всякие... книги кусать будут, – ворчала я, потирая ладонь. – У вас мир людоедов, куда ни плюнь, везде кусают или сожрать хотят.

– Так делай выводы.

– Какие же?

– Не плюй где ни попадя! – фыркнул Эверт и с благоговейным видом раскрыл гримуар. В полумраке, едва тронутым скудным светом тусклых свечей, от рукописных листов полилось сияние, озарившее лицо ученика. Некоторое время с зачарованным видом он переворачивал страницы, словно напрочь забыл о причине нашего свидания. Пришлось покашлять в кулак. Ноль реакции. С любопытством я встала на цыпочки и заглянула парню через плечо. Страницы у книги плотные, сероватые, испещренные незнакомыми символами, непонятными, как китайские иероглифы.

Целых полгода я пыталась выучить китайский язык на тот случай, если вдруг заблужусь где-нибудь в рисовой провинции, опоздаю на самолет и начну бродяжничать по Поднебесной. К слову, о поездке в Китай в то время я даже не помышляла. По отдельности китайские иероглифы имели смысл и даже перевод, а все вместе, собравшись в длинную живописную строку, превращались в приснопамятную абракадабру. В общем, стрекочущий язык мне не дался, и потому я, как дура, стояла на наземном переходе и не знала, где найти остановку. Сейчас я чувствовала себя так же, как на том переходе: ни черта не ясно, досадно и очень хочется спать.

– Ты ритуал с таким усердием изучаешь или читаешь рецепт превращения меди в золотые слитки? – произнесла я на ухо Эверту.

– Откуда знаешь? – испуганно икнул он.

– Чего, правда читаешь рецепт превращения в золото?! –

поперхнулась я на вдохе. – Seriously? Давай запишем и сделаем все вилки золотыми. Господи, мне же до конца жизни тогда не придется работать.

– Медь невозможно превратить в золото, – буркнул он и кивнул в сторону большого стола: – Садись и записывай.

Пристроив свечу, я вытащила из выдвижного мелкого ящика самое обычное перо, похоже, выдранное из зада, простите, хвоста гуся (подозреваю, потом несчастная птица послужила обедом), помакала в ополовиненную чернильницу и кивнула:

– Диктуй.

Эверт принялся водить пальцем в гримуаре и зачитывать:

– На кладбище выкопать могилу глубиной в полтора лея.

– Это сколько? – уточнила я.

– Вот столько. – Он показал размер себе по грудь, отчего я сделала вывод, что леями в магическом мире именуют метры. – Пишешь?

– Пытаюсь...

Совершенно точно попавшему в средневековый мир современнику грозит сдохнуть от голода и без завещания! Умение готовить на очаге и писать перьями находилось на грани фантастики. Это не по клавишам ноутбука в середине ночи клацать, набирая электронное письмо. Тут сноровка нужна. Я вымазалась, даже не написав ни одного слова. Чернила вытекли красивой яркой кляксой. Оставалось смириться со своей полной несостоятельностью писаря.

– Ты прочитай, я запомню. Ты там что-то о могиле говорил?

– Значит, копаешь могилу в два лея.

– Полтора, – поправила я, удивляясь, что он даже по второму разу книжную абракадабру правильно прочитать не может.

– В общем, сначала выкапываешь, потом кладешь туда курицу, потом закапываешь.

– А как Мельхом поймет, что ему жертвоприношение сделали, а не похороны курицы устроили? – вдруг почувствовав себя страшно обманутой, буркнула я.

– Вот как закопаешь, так возведешь руки к звездам и громко скажешь: «Прими, Мельхом, дар и больше не гневайся».

– Курицу можно тушкой или обязательно живую?

– Хочешь вообще взбесить демона? – с осуждением протянул Эверт.

Бесить демона в мои планы не входило, а то лишит последних удобств на этаже и тогда точно придется переехать в пристройку. Видела я этот сарай: рухлядь с дырой в черепичной крыше! Как представила, что лежу на топчане, укрытая пахнущей кошками рогожей, голодная, холодная и несчастная, а сверху сылет град, так сразу возникло желание закопать целый курятник. Конечно, ужас как кровожадно, но что случилось в магическом мире, навсегда останется в магическом мире. Вернусь домой и пожертвую денег на приют для

бездомных куриц!

– Кладбище у нас есть, лопату тоже найдем, – продолжал рассуждать Эверт. – Тебе осталось только черную курицу раздобыть.

На некоторое время мы примолкли. Ученик чернокнижника продолжал листать страницы, водить пальцем и бесшумно шевелить губами, а я соображала, где купить бедную квохчущую жертву. За ужином Макстен с Эвертом обсуждали поездку в город.

– Ты завтра из замка выезжаешь? – моментально придумала я выход из положения.

– Да, – осторожно отозвался ученик.

– Возьмешь меня с собой?

– Нет! – последовал категоричный отказ.

На следующий день я стояла за спиной у Эверта и ждала, когда он наконец откроет входную дверь в правильное место. Бормоча под нос проклятья, ученик дергал за ручку снова и снова. В дверном проеме появлялись то цветущее гречишное поле (кстати, очень живописное), то темный лес, то рыночная площадь. Бездарь злобно покосился на меня через плечо, видимо, назначив главной причиной топографических неудач.

– Что? – фыркнула я.

– Ничего, – процедил он с красной физиономией, снова хватаясь за ручку.

Он отчаянно не хотел брать меня в город, но не знал си-

ду правильного женского слова, вовремя оброненного рядом с хозяином замка. Подавая на завтрак подгоревшие с одной стороны оладьи, я с грустью уронила, что подыхаю от скуки. Трапеза была очень поздней, с тем расчетом, что от голода мужики будут готовы грызть даже камни, а значит, проглотят непривлекательную еду, не глядя и желательно не жуя. Видимо, Макстен живо оценил, к каким печальным последствиям может привести скука деятельной девушки в демоническом замке, если, даже не успев заскучать, она заставила Мельхом отхватить больше половины комнат, и – вуаля – я принаряжаюсь в цветочное платье для вылазки в город.

– Пойдите, – заставил нас притормозить Макстен, когда Эверт снова взялся за ручку и с решительным видом собирался потянуть на себя дверь. – Возьми.

Чернокнижник отдал мне позвякивающий кожаный кошелек, завязанный на черный шнурок. Приятно удивленная, я не стала отказываться от денег. План был развести на покупку курицы Эверта, а тут такая оказия!

– Возьми себе ниток для вышивания, – с серьезным видом велел Макс.

– Я не умею вышивать, – заметила я, высыпая монеты на ладонь. В местной валюте я не разбиралась, но судя по тому, как икнул ученик, выданной суммы хватит и на нитки всех цветов радуги, и на пальцы еще останется.

– Грифелей для рисования, – предложил чернокнижник.
– И рисовать.

– В таком случае самое время научиться, – вкрадчивым голосом высказал чернокнижник и, спустившись по ступеням, сам открыл дверь к узкой нисходящей улочке, вымощенной нагретыми солнцем булыжниками. – Счастливого пути. Вернетесь только вдвоем!

Последнее наставление адресовалось Эверту.

Не успела я перешагнуть через порог, как за спиной категорично закрылась дверь, словно хозяин намекнул, что иномирным гостям без неразрушительного, но антистрессового хобби лучше в замке не появляться. Подозреваю, ритуальное закапывание курицы к таким не относилось.

С интересом я оглянулась на Мельхом. Со стороны маленькой улочки он выглядел двухэтажным домиком, оплетенным зеленым плющом. Из-под густой растительности светлели кляксы облупленных стен. Окна были закрыты ставнями, на крыше лежала рыжая, выгоревшая от солнца черепица. На окованной дубовой двери висел медный молоток.

– Ходячий замок, – припомнила я известную сказку английской писательницы.

– Поторопись! – прикрикнул припустивший под горку Эверт.

В рекордное время мы добрались до рыночной площади. Солнце припекало, народ толпился, пахло отвратительно. Над деревянными прилавками висели грязные, замусоленные тенты. Торговцы отгоняли мух от потемневших от

жары кусков мяса, по мере сил старались прикрыть тканью. От прилавка с рыбой, упаренной в духоте, несло, кажется, за версту, и отчаянно хотелось прикрыть нос платком. Корнеплоды и овощи лежали в больших плетеных корзинах, отдавали их не по весу, а по штукам.

Средневековые меня шокировало только в первый раз. Впрочем, я, одетая в скромное платье, тоже его не шокировала. Если в сутолоке кто-то поворачивал голову, то только чтобы поглазеть на Эверта в черных одеждах. Похоже, ученика чернокнижника в городе неплохо знали.

– Встретимся в пять на этом самом месте, – для наглядности маг ткнул пальцем по направлению своих пыльных сапог.

– У меня часов нет.

Эверт пробормотал под нос какое-то ругательство, нервной рукой выудил из кармана круглые мужские часы на цепочке. Вцепившись в поцарапанный корпус, с первого раза он не дал их забрать и предупредил сквозь зубы:

– Потеряешь – прокляну.

– Пожалуюсь Макстену.

– Победила, – отдал часы противник и жалобно проследил, как «драгоценность» исчезает в моей поясной сумочке.

– Скажи, что написано на той лавке? – указала я на торговую лавку, выбрав ее в качестве ориентира.

– «Ткани», – буркнул Эверт.

– Спасибо.

Придерживая юбку, я потрусила к торговым рядам, наде-

ясь отыскать птичника.

– Следи за кошельком! – истеричным голосом прикрикнул ученик мне в спину. – И хронометр не потеряй!

Он дает наставления человеку, который дважды в день ездит на метро в час пик? Я только фыркнула и, не оглядываясь, помахала рукой, мол, иди уже по своим важным делам, не мешай девушке тратить чужие деньги.

Торговец домашней птицей нашелся в углу рынка. Из клеток на меня шипели злобные утки, несчастными глазами тарасились курицы, словно чувствующие приближение неизбежного конца в супнице какого-нибудь гурмана, недовольно зыркал облезлый петух и косил красным глазом большой недовольный индюк. Кажется, в контактном зоопарке, открытом недавно в ближайшем к моему дому торговом центре, демонстрировали меньше живности.

Несмотря на разнообразие, черных куриц не было. Возможно, цвет оперения имел сакраментальное значение, но я рассудила, что Мельхом вряд ли разбирался в окрасах. Выбрала на закланье демону самую общипанную, по виду смертельно больную курицу.

Мысленно я окрестила птичку Жертвой. Хотелось дать какое-нибудь красивое имя типа Дунечки, но закапывать на кладбище Жертву было морально легче, чем Дунечку. Хотя я с трудом представляла, как решусь убить невинное живое существо, пусть и стоящее одной лапой на том свете.

– Отличный выбор, госпожа! – принялся нахваливать

птичник. – Выйдет превосходный супчик.

– Не набивайте цену, – отмахнулась я и добавила: – Я покупаю не для еды, а закапывать.

Скорость, с какой торговец усаживал бедную, слабо трепыхавшуюся курицу в легкую плетеную клетку, точно намекала, что он побаивался, как бы его самого не прикопали.

Народ вдруг заволновался, засуетился, а рыночные ряды начали стремительно пустеть. Домохозяйки с корзинками снеди, взмокшие под солнцем мужчины, оборванцы, даже некоторые лавочники – все коллективно бросились наутек. На мой взгляд, только нашествие стражников на стихийный рынок могло обратить людей в бегство. Испугавшись, что покупка общипанной курицы окажется подсудным делом, я остановила оловянного от жары мужичка:

– Стражи пришли?

– Колдун сейчас будет дождь призывать! – махнул он рукой и с выпученными глазами бросился следом за остальными.

– Колдун? – нахмурилась я. Бездарь Ройбаш решил людей талантом поразить?

Далеко идти не пришлось: толпа собралась на лобном месте в самом начале рынка, где сохранялся незаставленный прилавками свободный пятачок. В душном горячем воздухе ощущалось людское волнение. Похоже, в мире, куда меня вытащил Эверт, магов разных мастей было как бродячих псов, на любой вкус и цвет: черные, белые, недоделанные,

как он сам. Черную курицу на заклятие найти тяжелее, чем ведьмака, готового это самое заклятие провести!

Прижав к боку клетку с притихшей Жертвой, я пробилась в первый ряд. В центре людской толпы стоял патлатый, похожий на каланчу мужчина, наряженный в подпоясанный балахон (точно в парадные одежды облачился по случаю публичного выступления). До пояса спускалась жиденькая борода, чуждая вытянутому худому лицу с красными солнечными ожогами под прикрытыми глазами. Мысленно я окрестила белого мага – Внук Гэндальфа. Стыдно сказать, но легендарный роман я не осилила, а с фильмами была знакома только по коротким роликам из Интернета, но некое сходство с актером просматривалось.

Колдун старательно изображал отрешенность от внешнего мира, будто до взволнованного зрительного зала ему не было никакого дела. В руках он держал посох Деда Мороза – для полного сходства только блестящей мишуры не хватало. Живо представилась драка Внука Гэндальфа и полнотелого добродушного старика за волшебный посох. От хулиганской фантазии я прыснула издевательским смешком. Маг резко открыл желтые глаза и, сведя на переносице брови, уставился ровнехонько на курицу в клетке, словно догадывался, что ее собирались прикончить.

Народ мгновенно отхлынул.

– Извините, – пробормотала я и на всякий случай попятилась.

Испугалась не магии – несколько дней в демоническом замке наглядно показали, что колдуны берегли энергию для серьезных дел. Вдруг грянет общемировой апокалипсис, а вся силушка окажется истраченной на паршивую левитацию вилок по кухне? Просто посох был длинный. Если колдун – буйный неврастеник, то взбесится да и огреет обидчицу до сотрясения мозга (между прочим, у меня есть что сотрясать, хотя с первого взгляда, может, незаметно). Тогда я точно «добрым словом» вспомню и Гэндальфа, и Дедушку Мороза, и всех Кернов, вместе взятых, включая учеников, прислужников и беззубого Егорку.

– Засуха, – тихим голосом вымолвил маг, уставившись мне в лицо страшным, немигающим взглядом. – Поля стонут и просят о помощи.

– Какое несчастье, – проблеяла я и еще немножко потеснилась назад. Оказалось, что народ отошел недостаточно далеко. Спинай я уперлась в чей-то круглый живот и отпружила обратно.

– Я, белый маг Ирен Орсо, – ученик великого Дигора! – провозгласил колдун.

Люди зашущукались, пытаясь выяснить, знаком ли кто-нибудь с «великим», и не приходился ли он кровным родственником градоправителям. Хотелось верить, что учитель из Дигора вышел получше, чем из Макстена Керна, и его воспитанники никогда не воровали из других миров приличных девушек.

– Я несу добро в светлый мир! – провыл Внук Гэндальфа, представившийся Иреном.

На мой взгляд, громкое обещание осыпать Ансель добром настораживало. Во всех книгах бесплатные добрые дела, щедро причиненные дарителем, приводили к плачевным последствиям. Я бы на месте горожан бросилась наутек со страшными криками, но народ глазел, благоговел и внимал с затаенным дыханием. Простаки, право слово!

– Жители Анселя, я здесь, чтобы призвать дождь! – объявил он и ударил посохом, выбив сноп голубоватых искр. Они проскакали по горячим булыжникам, прожгли подол моего опрятного платья и царапнули по голым ногам. Градус симпатии к магу понизился до отметки, на которой люди обычно не выживали.

– Сто золотых монет взял за вызов, шельма, – раздалось за спиной недовольное бормотание сплетников.

– Да-да, – прошипела тетушка почти мне на ухо. – За эти деньги он нам должен собственную реку через город пустить.

Маг оставался глух к ворчанию.

– Отступите! – грозным голосом вымолвил он и махнул посохом вокруг себя, расчищая пространство. Конец палки промелькнул практически перед носом, и я испуганно отпрянула, крепче прижав клетку со взволнованной курицей.

Наконец он начал колдовать. Ирен выписывал посохом кренделя, и в воздухе вспыхивали голубоватые сполохи,

словно от размазанных в световые линии огней. На каждый пасс он выкрикивал новое резкое слово на языке, напоминавшем латынь, а потом завопил, прикрыв глаза:

– Благослови дождь иссушенную землю!

Над площадью повисла странная, напряженная тишина. Никто не шевелился – люди ждали чуда, но благословение не наступало. Солнце шпарило как ошалелое. Небо оставалось девственно-чистым, ни одно облачко не запятнало синевы. На рынке жалобно заблеяла уморенная жарой овца.

Внук Гендальфа приоткрыл один глаз, кашлянул и снова возвел руки к небу:

– Очнись, животворящая сила!

Сила очнулась! Под восхищенные вздохи и ахи к площади стягивались дождевые тучи. Сильный ветер трепал одежды, срывал с голов шляпы и чепчики. У Внука Гэндальфа развевались жиденькая бороденка и полы балахона. В загустевших тучах сверкнула настоящая молния. Сверху на разогретые булыжники сорвались тяжелые дождевые капли.

И все закончилось. Ветер утих, дождь закончился, толком не начавшись, разве что синее небо по-прежнему заслоняли свинцовые тучи да пару раз вхолостую сверкнули молнии. Колдун огляделся по сторонам и снова потряс посохом:

– Очнись! Приди ко мне!

Неожиданно над сконфуженной площадью, погруженной в предгрозовую сумрак, пролетел истеричный женский визг:

– Старый Брок очнулся!

– Старый Брок? – заволновался народ. – Разве ж его не собирались с рассветом похоронить?

В следующую секунду толпа пришла в движение. С истеричными воплями люди кинулись в разные стороны. Я растерялась и немедленно оказалась наказанной: сильный удар в спину отбросил меня вперед. Полет был стремительным, как у пробки из бутылки с шампанским. До хруста стискивая клетку с шокированной предсмертными приключениями Жертвой, я всем телом навалилась на колдуна и, не глядя, вцепилась в первое, что попало под руку. Попалась борода. Ирен возопил и резко согнулся пополам, стараясь сохранить растительность. Мы едва не тыркнулись носами. На ощупь борода оказалась как пакля и, похоже, ею же и являлась.

– У вас борода отваливается, – для чего-то объявила я и резко разжала пальцы. – Прошу прощения, но можно мне...

Пыхтя под изумленным взглядом онемевшего мага, я схватилась за посох и, опираясь на него, кое-как выпрямилась.

– Благодарю, – кивнула, отряхивая руки.

Восставший покойник, распугавший толпу народа, стоял перед нами и таращил мертвые глаза. Надо было бежать, но от страха на меня напал паралич. Глядя на оживленное тело, я поймала себя на истеричной мысли, что у всех хороших колдунов выходили очень нехорошие ученики. Один девчонка ворует, а другой вместо дождя покойников призывает.

– Замри, исчадие ада! – завопил у меня над макушкой колдун и выставил посох. Из деревянного конца вырвался голубоватый луч, разрезавший пространство. Однако меткости магу явно не хватало – молния прошла в полуметре от зомби и врезалась в растерянного толстяка. Бедняга закатил глаза и, парализованный, рухнул на брусчатку.

– А у вас талант, – не удержалась я.

– Я не призывал демона! – вдруг совсем по-детски начал отпираться серьезный, зрелый маг.

– Так он ко мне, что ли, направляется?

Зомби, глухой к учиненному переполоху, надвигался на нас, словно потерявшая управление вагонетка. От ужаса в голове помутилось, я выставила вперед клетку с курицей и заорала страшным голосом:

– Сим-салабим! Ахалай-махалай! Ляськи-масьски! Жри курицу, нелюдь!

Господи, что? Сим-салабим? Ляськи-масьски?! Откуда я вообще такие странные вещи знаю?! Да меня сейчас саму отдадут на корм зомби, чтобы не терять время и не складывать инквизиторский костер!

Опешили все, в том числе оживший покойник. Он остолбенел, вытянув руки по бокам. Секундой позже на площадь обрушилась стена дождя. Ливень, плотный и беспросветный, скрывавший видимость. Одежда моментально вымокла и прилипла к телу. С трудом я различила, что восставший Брок упал на булыжники. Вокруг тела гудела, бурлила и ли-

лась яростная вода. И раз покойник снова упокоился, было пора делать ноги. Далеко убежать не рассчитывала, но, по крайней мере, в место посуше, где не будет хлестать в физиономию.

– Стой, ведьма! – сквозь грохот ливня проорал воспрывший от удачи с дождем маг и перекрыл мне путь посохом.

Не вступая в переговоры, я развернулась и понеслась в противоположную сторону, мысленно молясь, чтобы маг не послал мне в спину волшебную голубую молнию. Завернув за угол, я спряталась под козырьком чужого крылечка и решила дожждаться, когда дождь растеряет ярость, а возможно, полностью выльется. Время шло. Часы Эверта в поясной сумке намокли и перестали ходить, под стеклом набухли капли. Ливень не думал умирять гнев.

На окошке возле входной двери зашевелились занавески, и стало ясно, что хозяева не рады неожиданной гостье.

– Тебя же не пугает прогулка под дождем? – Я поймала себя на том, что улыбнулась курице жизнерадостной улыбкой пессимистки, пытавшейся думать позитивно. Дошла, господи, до ручки: с курами разговариваю! Стерев с лица идиотскую улыбку, я покрутила головой, пытаюсь вспомнить направление к дому.

Если мне не изменяли память и чутье, а как показал случай в Китае, и с тем, и с другим у меня имелись основательные проблемы, до входа в Мельхом было четыре поворота. Все время направо. Или налево? Проклятье, куда мы пово-

рачивали?

– Вот ты где! – услышала я голос Эверта. Ученик стоял на брусчатке, и вода немыслимым образом огибала его ноги, не намочив сапог. Высокую фигуру словно окружал невидимый, непроницаемый для дождя пузырь. Глядя на недовольного и очень, просто неприлично сухого соседа по замку, я почувствовала глухую ненависть.

– Пойдем? – кивнул он в сторону переулка.

– А мне не хочешь магический зонт наколдовать? – возмутилась я.

– Ты все равно уже мокрая, – беспечно отозвался Эверт.

– Вот как?

Перехватив клетку с поникшей курицей, видимо, предчувствовавшей, что по дороге к замку мы утонем, я вздернула подбородок и шагнула под проливной дождь.

– Ты что, обиделась? – догнал меня ведьмовской поганец, пока я с гордо выпрямленной спиной и по щиколотку в воде неслась в... кажется, правильном направлении.

– Что ты, какие могут быть обиды? – ласково отозвалась я. – Но я бы на твоём месте с сегодняшнего дня начала очень внимательно следить за тем, что лежит в тарелке. Мало ли что может случайно упасть в кашу.

Через пару улиц дождь закончился, тучи неожиданно рассеялись, и снова засияло солнце. Видимо, магия белого колдуна иссякла. Возле знакомого домика, оплетенного плющом, по-прежнему царили жара и летняя засуха. Казалось,

что ливень, достойный прерий Амазонки, вообще не затро-нул утыканный домишками холм, словно назло подставлен-ный беспощадным солнечным лучам.

Когда на стук молоточка Макстен открыл дверь, то без преувеличений онемел. Обнаружить иномирную гостью с курицей в клетке и мокрую, как эта самая курица, оказа-лось большим сюрпризом. Удивленный взгляд переместил-ся с меня на полностью сухого, опрятного ученика. Макстен развел руками, мол, госпожа пожелали искупаться в местных термальных спа-источниках?

– Только посмей что-нибудь сказать, – процедила я, хотя было очевидно, что от изумления колдуна покинул дар речи. Он открыл рот, чтобы выдать какую-нибудь издевательскую шутку, и бессильно закрыл обратно. Видимо, ничего уничи-жительно-ироничного в голову не пришло, или же у мужика был отлично развит инстинкт самосохранения.

– И в колодец я не падала, – многозначительно добавила я, подвигая Макса в дверях.

– Она попала под дождь и теперь в дурном настроении, – заходя следом, пробубнил Эверт.

– К слову, ты в курсе, что часы пропускают воду? – хмык-нула я.

– У меня сломались часы?! – охнул подлец.

– Вы красиво грызетесь, но я хочу уточнить, – у черно-книжника прорезался голос, – курица – это ужин или ты ре-шила завести птичник вместо пялец?

– Это жертва, – с достоинством бросила я через плечо.

– Жертва... – озадаченно повторил чернокнижник мне в спину. – Конечно! Это же очевидно. И как я сам не догадался?

Глава 3

Ритуалы черной магии и прочие недоразумения

После большого колдовства Ирен Орсо пребывал в приподнятом настроении, и письмо к учителю Дигору выходило светлым, радостным. Как же ученику было приятно рассказывать о том, что его магия несет добро, справедливость и счастье. Засуха в Анселе побеждена!

О том, что по какой-то совершенно непонятной причине в соседнем с рыночной площадью доме встал покойник, Ирен умолчал. В белом колдовстве, несущем на землю благодать, тоже иногда случались недоразумения: от всей души призовешь стихию, а вместе с нею приходит... кто-нибудь. Трупы вообще хорошо слышали магический зов. Подлецы совершенно не умели разбираться в голосах зовущих, запросто путали приличного белого мага с паршивым чернокнижником.

Отняв от тонкого пергамента остро наточенное перо, Ирен посмотрел в открытое окно. Дождь закончился, тучи растаяли, и на город лег теплый вечер. Пахло ужином, чей сладкий аромат проникал в кабинет из кухни. В животе забулькало, громко и неподходяще умиротворенной тишине. После стихийной магии всегда просыпался волчий голод, но

слуга Реззо все не звал к столу.

Неожиданно мысли о еде самым непостижимым образом переместились к больной, общипанной курице, сидевшей в клетке. Разве лучший ученик великого Дигора не узнает под птичьей личиной одержимую демоном прислужницу? Или не почувствует в толпе присутствие черной ведьмы? В голове вдруг всплыло воспоминание о лице ведьмы. Внешность ее казалась кричаще чужеродной Восточной долине. Точно, пришедшая колдунья! Выхолена, проклятым знаком помечена, а прическа бесстыдна, не будет добропорядочная горожанка кромсать волосы до подбородка.

– Хозяин! – в кабинет без стука вломился прислужник. – Хозяин, люди пришли! Вас зовут.

Реззо был невысоким, краснолицым и кругленьким, как шарик. Поспешный подъем на второй этаж сбил слуге дыхание.

– Люди? – оживился Ирен. – Дары принесли?

– Ну... – замялся тот. – Они принесли вилы и мотыги...

У колдуна поползли на лоб брови. Может, добрые горожане решили помочь в хозяйстве? Неужели заметили, как одичал сад? Неясно, какого дем... светлого духа они не дождались утра. Кто в сумерках сеет грядки и выкорчевывает одуванчики? Впрочем, с дарами к нему приходили впервые с тех пор, как он открыл практику. Если хотят сейчас отблагодарить белого мага за добро, кто он такой, чтобы запрещать.

Ирен поспешно встал из-за стола и уже направился к две-

рям, как его окликнул Реззо:

– Хозяин, борода!

Борода, как назло, вместе с балахоном сушилась на заднем дворе. Колдовством вышло бы быстрее, но вещи приобретали неприятный душок влажной лежалости, а Ирен любил благовонные ароматы.

В растерянности он подошел к зеркалу и потер гладкий подбородок. Безбородое, моложавое лицо страшно печалило. Что за несправедливость? Двадцать пять лет стукнуло, а ни разу не брился! Даже Реззо каждый вечер скреб щеки наточенным лезвием, а учитель вообще два раза на день.

Несколько пассов руками, и с острого подбородка свесилась длинная борода. Иллюзии у него выходили паршивенькие, не то что у Дигора. Морок не развеялся на ветру, да и схватиться за него было невозможно. С другой стороны, зачем кому-то хвататься за чужую бороду? Неожиданно на ум снова пришла ведьма, без зазрения совести отодравшая приклеенную на особую вязкую смолу высококачественную паклю. Тьфу, мерзкая баба! А глазищи – синие, нездешние.

Приведя себя в порядок, маг спустился на первый этаж.

– Сейчас, сейчас, хозяин, – пробормотал Реззо и суетливо открыл дверь.

Возле крыльца домика, превращенного в приемную белого мага, толпился возбужденный народ. Люди держали вилы, мотыги... камни.

– Здравствуйте, добрые горожане! – переступил через по-

рог Ирен.

– Бей подлеца! – злобно проорали из толпы.

В мага полетел гнилой помидор. Вернее, он потом понял, что это гнилой помидор, когда снаряд размазался по инстинктивно выставленному невидимому щиту. На улочке, объятый вечерним сумраком, наступила ошеломленная тишина. Народ следил, как помидорная каша стекала по воздуху, как по стеклу, и боялся пошевелиться.

– Что ж вы делаете? – возмутился Реззо из-за спины хозяина. – Совсем страх потеряли?!

Судя по всему, люди не только страх, но и разум потеряли. Вперед вышел невысокий осанистый мужичок:

– Мы за справедливостью пришли! Верни нам деньги, разрушитель.

– Кто разрушитель? – нешуточно удивился Ирен. – Я же несу добро и справедливость в Ансель.

– С таким добром нам и зла не надо! – взвизгнул кто-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.